

Посвящается моему брату

Глава 1

Двойная удача

ДВА БУДУЩИХ ВОРА нефрита потели на кухне ресторана «Двойная удача». Сгущающийся вечер приносил через открытые окна обеденного зала ветерок с берега и обдувал посетителей прохладой, но на кухне весь день крутились всего два потолочных вентилятора, не принося облегчения. Лето только началось, а город Жанлун уже напоминал утомленного любовника — липкий и с запашком.

Шестнадцатилетние Беро и Сампа три недели строили планы и наконец решили, что сегодня их жизнь изменится.

Беро был в темных брюках и белой рубашке официанта, противно прилипающей к спине. На желтоватом лице с потрескавшимися губами застыло каменное выражение, не выдающее мыслей. Беро поставил поднос с грязными стаканами в раковину и вытер руки посудным полотенцем, а потом наклонился к сообщнику — тот споласкивал тарелки струей из шланга и ставил их в сушилку.

— Он один, — шепнул Беро.

Сампа поднял на него взгляд. Он был абукейцем с кожей цвета меди, густыми, скрученными как проволока волосами и пухлыми щеками, делающими его слегка похожим на херувимчика. Он прищурился и тут же снова отвернулся к раковине.

— Моя смена закончится через пять минут.

— Надо делать это прямо сейчас, кеке, — сказал Беро. — Давай сюда.

Сампа вытер руку о рубашку, вытащил из кармана бумажный пакетик и быстро положил его в ладонь Бери.

Тот сунул руку под фартук, забрал пустой поднос и вышел из кухни.

У стойки бара он попросил бармена налить ром с перцем и лаймом и побольше льда — любимый напиток Шона Цзудонрю.

Бери унес коктейль, затем поставил поднос и склонился над пустым столиком у стены, к залу спиной. Он сделал вид, что протирает стол тряпкой, и высыпал содержимое бумажного пакетика в бокал. Порошок на мгновение зашипел и растворился в янтарном напитке.

Бери выпрямился и двинулся к высокому столику в углу.

Шон Цзу по-прежнему сидел один, втиснув мощное тело в узкое кресло. Чуть раньше рядом находился Майк Кен, но, к огромному облегчению Бери, он присоединился к своему брату в отдельном кабинете на другом конце зала. Бери поставил бокал перед Шоном.

— За счет заведения, Шон-цзен.

Шон взял напиток и сонно кивнул, не поднимая взгляда.

Он часто заходил в «Двойную удачу» и много пил. Лысина на его макушке казалась розовой в освещении обеденного зала. Напряженный взгляд Бери непреодолимо влекло ниже, к трем зеленым сережкам-гвоздикам в левом ухе Шона.

Бери отошел, пока Шон не успел заметить, как он пялится.

Забавно, но этот тучный стареющий пьяница — Зеленая Кость.

Конечно, у Шона мало нефрита, но при такой-то жалкой внешности рано или поздно кто-нибудь отнимет у него камни, может, и вместе с жизнью. «И почему бы не я?» — подумал Бери. И правда, почему бы и нет? Пусть он всего лишь незаконнорожденный сын докера и его никогда не примут в школу боевых искусств вроде Храма Ви Лон или Академии Коула Ду, но ведь он настоящий кеконец, этого не отнять. Он не робкого десятка и пробьет себе путь в жизни во что бы то ни стало.

Нефрит откроет многие пути.

Он прошел мимо братьев Маик, сидящих в кабинете с человеком помоложе. БERO чуть помедлил, только чтобы получше их рассмотреть. Маик Кен и Маик Тар теперь стали настоящими Зелеными Костями. Мускулистые, с унизанными нефритом пальцами, за поясами изогнутые боевые ножи с нефритовыми рукоятями. И одеты отлично: темные рубашки с воротничками, золотистые пиджаки, пошитые у хорошего портного, сверкающие черные ботинки и кепки с козырьками. Братья Маик входили в Равнинный клан, контролирующей основную часть районов этой части города. Один из братьев посмотрел на БERO.

БERO тут же отвернулся и стал надраивать тарелки. Чего он точно не хотел, так это привлечь сегодня вечером внимание братьев Маик. Он сдержал порыв нащупать мелкокалиберный пистолет, лежащий в кармане брюк и прикрытый фартуком.

Терпение. С завтрашнего дня он больше никогда не будет одеваться как официант. И больше никогда и никому не будет прислуживать.

Он вернулся на кухню, где Сампа закончил смену и получил расчет. Сампа вопросительно посмотрел на БERO, и тот кивнул — дело сделано. Сампа прикусил нижнюю губу маленькими белыми зубами.

— Ты правда думаешь, что у нас получится? — прошептал он.

БERO приблизил к нему лицо.

— Не дрейфь, кеке, — шикнул он. — Мы уже начали. Пути назад нет. Теперь твоя очередь!

— Знаю, кеке, знаю. Я все сделаю, — обиженно покосил на него Сампа.

— Думай о деньгах, — посоветовал БERO и хлопнул его по спине. — Давай.

Сампа в последний раз тревожно оглянулся и толкнул кухонную дверь.

БERO смотрел ему вслед, в сотый раз жалея о том, что приходится иметь дело с таким рохлей. Но тут уж ничего не поделаешь — только урожденный абукеец, невосприимчивый к нефриту, может стиснуть камень в руке

и выйти из переполненного ресторана как ни в чем не бывало.

Сампу пришлось довольно долго убеждать войти в дело. Как и многие представители его племени, мальчишка рисковал жизнью на реке, все свободное время ныряя за нефритом, который снесло из рудников выше по течению. Опасное занятие — взбухший после дождей поток унес уже много неудачливых ныряльщиков, а тех, кому повезло найти нефрит (Сампа хвастался, что однажды нашел камень размером с кулак), могли схватить. И тогда, если повезет, очутишься в тюрьме, а если нет — в больнице.

Это занятие для неудачников, твердил ему Беро. Зачем выживать из реки необработанный нефрит и продавать его на черном рынке посреднику, который обрабатывает его и контрабандой переправит с острова, заплатив тебе соую часть подлинной цены? Пара смелых и предприимчивых парней вроде них может достичь куда большего.

Если хочешь вступить в игру с нефритом, говорил Беро, играй по-крупному. Резные камни в оправе — вот где настоящие деньги.

Беро вернулся в обеденный зал и стал прибираться на столах, поминутно поглядывая на часы. Когда он получит все, что хотел, то сможет избавиться от Сампы.

* * *

— Шон Цзу говорит, в Трущобе возникли проблемы, — сказал Маик Кен, наклоняясь, чтобы никто посторонний не разобрал разговор в фоновом шуме. — Кучка ребятни трясет наши заведения.

Его младший брат Маик Тар потянулся через стол палочками, чтобы подцепить с тарелки хрустящий шарик из кальмара.

— Что еще за ребятня?

— Из Пальцев мелкого пошиба. Молодые задиры всего с парой нефритов.

Третий человек за столом задумчиво нахмурился.

— И все равно. Даже самые мелкие Пальцы — члены боевого клана, — сказал он. — Они выполняют приказы

своих Кулаков, а те — своих Штырей. — Трущоба всегда была спорной территорией, но в открытую угрожать находящимся под крылом Равнинного клана заведениям было слишком смело для мелких задира. — Похоже, мы крупно облажались.

Братья Маик посмотрели на него, а потом переглянулись.

— Что такое, Хило-цзен? — спросил Кен. — Похоже, ты сегодня не в духе.

— Думаешь? — Коул Хилошудон откинулся на стену кабинки и покрутил бокал, согревая пиво и рассеянно стирая конденсат со стекла. — Наверное, это от жары.

Кен жестом велел официанту освежить напитки. Бледный юнец обслужил их, не поднимая головы. На секунду он взглянул на Хило, но похоже, его не узнал — тот, кто не знал Коула Хилошудона лично, никак не мог ожидать, что он выглядит так молодо. Штыря Равнинного клана, второго по старшинству после брата, редко узнавали на публике. Иногда у Хило это вызывало приступы бешенства, но порой он находил это полезным.

— Есть еще одна странность, — сказал Кен, когда официант удалился. — Куда-то запропастился Трехпалый Ги.

— Как можно потерять из виду Трехпалого Ги? — удивился Тар.

Нелегальный резчик по нефриту славился не только отсутствием пальцев, но и необъятными размерами.

— Может, удалился от дел.

— Из нефритового бизнеса можно выйти только одним способом, — хохотнул Тар.

— Коул-цзен, вы всем довольны? — раздался голос над ухом Хило.

Рядом со столом возник господин Унь, расплывшийся в тревожной и заискивающей улыбке, которую приберегал только для них.

— Все великолепно, как обычно, — ответил Хило, нацепив расслабленную, слегка кривобокую ухмылку — типичное для него выражение.

Владелец «Двойной удачи» сложил исцарапанные на кухне руки, кивая и улыбаясь в угодливых благодар-

ностях. Лысый и грузный господин Унь был человеком лет шестидесяти, ресторатором в третьем поколении. Основал это почтенное и старинное заведение его дед, отец поддерживал его на плаву в годы войны и после нее. Как и его предки, господин Унь был верным Фонарщиком Равнинного клана. Когда в ресторан заходил Хило, господин Унь лично выказывал ему свое почтение.

— Могу я предложить вам что-нибудь еще? — спросил он.

Получив заверения, что все прекрасно, господин Унь удалился, и Хило снова посерьезнел.

— Поспрашивайте в округе. Узнайте, что случилось с Ги.

— А нам-то какое дело до Ги? — спросил Кен, но не из дерзости, а просто из любопытства. — Скатертью дорога. Одним нелегальным резчиком меньше. Нечего продавать наш нефрит слабакам и чужакам.

— Просто это меня беспокоит, — Хило потянулся за последним хрустящим шариком из кальмара. — Когда с улиц исчезают крысы, ничего хорошего не жди.

* * *

У Бери начали сдавать нервы. Шон Цзу почти осушил приправленный напиток. Предполагалось, что наркотик не имеет ни вкуса, ни запаха, но что если Шон, обладающий обостренными чувствами Зеленой Кости, каким-то образом его обнаружит? Или вдруг наркотик не подействует, или Шон уйдет, и нефрит ускользнет из рук Бери? Что, если Сампе изменит мужество? Когда Бери поправлял на столе приборы, ложка в его руке задрожала. Ну же, не дрейфь. Будь мужчиной.

Фонограф в углу крутил медленную и романтическую мелодию из оперы, почти не слышную в непрекращающейся болтовне клиентов. Над красными скатертями повисли дым сигарет и пряные ароматы блюд.

Шон Цзу, покачиваясь, вскочил. Нетвердой походкой он направился в глубь ресторана и толкнул дверь туалета.

Беро мысленно отсчитал десять бесконечных секунд, поставил поднос и как бы случайно последовал за Шоном. Проскользнув в туалет, он сунул руку в карман и стиснул крохотный пистолет. Он закрыл дверь и запер ее за собой, а потом прижался к стене.

Из кабинки доносились тошнотворные звуки, и Беро чуть не задохнулся от отвратного запаха блевотины и перегара. В кабинке спустили воду, и все стихло. Потом раздался приглушенный стук, как будто что-то тяжелое рухнуло на кафельный пол, и повисла зловещая тишина. Беро сделал несколько шагов вперед. В ушах отдавалось биение сердца. Он поднял пистолет к груди.

Дверь кабинки была открыта. Грузное тело Шона Цзу распростерлось на полу с раскинутыми руками. Грудь приподнималась в тихом и глухом храпе. Из уголка губ сбегала тонкая струйка слюны.

В дальней кабинке шаркнули грязные полотняные туфли, Сампа высунул голову из-за угла, где притаился в засаде. При виде пистолета он выпучил глаза, но потом шмыгнул к Беро, и оба уставились на лежащего в отключке человека.

Мать честная, получилось.

— Чего встал? — Беро махнул пистолетом в сторону Шона. — Давай! Забери камни!

Сампа неуверенно протиснулся через приоткрытую дверь кабинки. Голова Шона Цзу склонилась влево, ухо с нефритовыми серьгами приникло к стене. С написанным на лице ужасом, как у человека, который собирается схватиться за оголенный провод, Сампа взял в руки голову Шона. И замер. Шон не пошевелился. Сампа отвернул его лицо с разинутым ртом в другую сторону. Дрожащими пальцами он подцепил первую нефритовую серьгу и расстегнул застежку.

— Вот, держи. — Беро протянул ему пустой бумажный пакет.

Сампа бросил нефритовую сережку в пакет и принялся за вторую. Взгляд Беро танцевал между нефритом, Шоном Цзу, пистолетом, Сампой и снова нефритом. Беро шагнул вперед, и пистолет оказался в нескольких сантиметрах от виска Шона. Оружие вы-

глядело удручающе крохотным и неэффективным — годится только для простых обывателей. Ну и ладно. В таком состоянии Шон Цзу все равно не сможет использовать Броню или Отражение. Сампа заберет нефрит и выйдет через заднюю дверь, не попавшись никому на глаза. БERO закончит смену, а потом встретится с Сампой. Старого Шона Цзу не потревожат еще несколько часов, он не впервые напивается и отключается в туалете.

— Быстрее, — сказал БERO.

Сампа выгацил уже два нефрита и трудился над третьим. Его пальцы впились в складки жирного уха Шона.

— Не могу отцепить.

— Так выдерни, просто выдерни!

Сампа потянул за упрямую серьгу. Она оторвалась от наросшей вокруг кожи. Шон Цзу дернулся. И открыл глаза.

Сампа охнул.

С могучим рыком Шон взмахнул рукой и подбросил руку БERO вверх в тот самый миг, когда он нажал на спусковой крючок. Выстрел оглушил всех троих, но никого не задел, а продырявил штукатурку на потолке.

Сампа ринулся к выходу и чуть не свалился, споткнувшись о Шона. Тот схватил его за ногу. Налитые кровью глаза выкатились от ярости и потери ориентации. Падая, Сампа выставил вперед руки, чтобы приземлиться на них, бумажный пакет выпал из его ладони и скользнул по кафелю пола между ног БERO.

— Воры! — проревел Шон.

Но БERO этого не услышал. После выстрела в голове звенело, все звуки как будто выключили. Он смотрел, как Зеленая Кость с пунцовым лицом тащит к себе перепуганного абукейского мальчишку, будто пышущий огнем демон из преисподней.

БERO наклонился, схватил помятый бумажный пакет и помчался к двери.

Он забыл, что запер ее. Секунду он в панике дергал ее и толкал, пока наконец не повернул задвижку, и выскочил наружу. Посетители слышали выстрел, и в сторону БERO повернулось несколько десятков поражен-

ных лиц. Берохватило остатков соображения, чтобы сунуть пистолет в карман и ткнуть пальцем в сторону туалета.

— Там вор нефрита! — заорал он.

Потом он побежал по залу, лавируя между столиками, два мелких камешка вонзались через бумагу в крепко стиснутую левую ладонь. Люди отскакивали от него. Их лица расплывались перед его глазами. Беро наткнулся на стул, упал, поднялся и снова побежал.

Его лицо пылало. Беро пронзил внезапный прилив энергии и тепла, похожий на электрический разряд. Он никогда не ощущал подобного. Он оказался у широкой изгибающейся лестницы на второй этаж, где посетители собрались на балконе и свешивались через перила — узнать, что за шум. Беро рванул вверх, преодолев лестницу за несколько широких прыжков, почти не касаясь пола. Толпа охнула. Удивление Беро переросло в восторг. Он откинул голову назад и захохотал. Вот она, Легкость.

С его глаз и ушей слетела пелена. Скрип стульев, звон посуды, вкус воздуха на языке — все чувства стали острее бритвы. Кто-то попытался его схватить, но слишком медленно, а Беро стал таким молниеносным. Он легко уклонился и запрыгнул на стол, послышался звон посуды и вопли. Впереди была дверь-сетка, ведущая во дворик со стороны гавани. Не раздумывая и без промедления он бросился на препятствие как атакующий бык. Деревянная решетка разлетелась, и Беро с диким восторженным криком вломился в проем. Он не чувствовал боли, только безумную, свирепую несокрушимость.

Вот она, сила нефрита.

Вечерний воздух покалывал кожу. Беро непреодолимо влекло вниз, к огромной равнине мерцающей воды. По венам растекались волны восхитительного жара. Океан выглядел таким прохладным, таким освежающим. В нем будет так хорошо. Беро подскочил к ограждению двора.

В его плечо впились чьи-то руки и рывком остановили. Беро дернулся назад, как пес на поводке, развернулся и увидел лицо Майка Тара.

Глава 2

Штырь Равнинного клана

НА ДРУГОМ КОНЦЕ обеденного зала грохнул приглушенный выстрел. И через пару секунд Хило услышал в голове визг нефритовой ауры, как вилкой по стеклу. Кен и Тар развернулись в сторону юнца-официанта, который вылетел из туалета и помчался к лестнице.

— Тар, — сказал Хило, но в этом не было нужды — оба брата уже поднялись.

Кен бросился к туалету, Тар прыгнул к верхней площадке лестницы, схватил во дворе грабителя и швырнул его обратно через сломанную сетчатую дверь. Когда мальчишка влетел обратно, шмякнулся на пол и съехал вниз, посетители разом охнули, а некоторые закрычали.

Тар шагнул за ним в здание и наклонился, чтобы смахнуть обломки двери. Мальчишка не успел подняться на ноги, как Тар ладонью пригвоздил его голову к полу. Вор потянулся за оружием, крохотным пистолетом, но Тар вырвал его и забросил через сломанную дверь прямо в бухту. Когда Зеленая Кость прижал коленом руку мальчишки и вырвал из побелевших пальцев бумажный пакет, Бери издал приглушенный ковром крик. Все произошло так быстро, что зрители этого просто не заметили.

Тар поднялся, а лежащий у его ног подросток стонал и дергался в конвульсиях — энергия нефрита покидала его тело, а вместе с ней сердитое жужжание покидало черепную коробку Хило. Маик-младший за шкирку поставил вора на ноги и поволок его вниз по лестнице, обратно в главный зал. Покинувшие свои столики взбудораженные посетители молча расступались перед ними. Из туалета появился Кен, он тащил за руку тихо хнычущего мальчишку-абужейца. Кен толкнул его на колени, а Тар поставил рядом Бери.

За Кеном, покачиваясь, вышел Шон Цзудонрю, хватаясь по дороге за стулья, чтобы не упасть. Похоже, он не вполне понимал, где находится и как тут очутился,

но соображал достаточно, чтобы разъяриться. Его ошеломительный взгляд блуждал, глаза вылезали из орбит. Одной рукой он хватался за ухо.

— Воры, — пробормотал он и потянулся к рукоятки ножа, спрятанного в ножнах под пиджаком. — Вскрою брюхо обоим.

Подбежал господин Унь, протестуяще махая трясушимися руками. Его лицо побелело от ошеломления.

— Шон-цзен, умоляю, только не в зале!

Достаточно и того, что ресторан «Двойная удача» опозорен, что на его кухне пригрели воров нефрита, но зарезать двух мальчишек прямо у сервировочного стола для десертов — такое несчастье не переживет ни одно заведение. Хозяин ресторана испуганно покосился на нож Шона Цзу, а потом на братьев Маик и застывшие лица клиентов. Он снова промямлил:

— Это ужасное происшествие, но прошу вас...

Хило поднялся из-за стола:

— Господин Унь! Я и не сообразил, что вы устроили шоу для клиентов.

Когда Хило пересек зал, все взгляды обратились на него. Он ощутил, что толпа начинает понимать. Ближайшие посетители заметили то, чего не заметил раньше беглый взгляд Бери: под серой спортивной курткой Коула Хило и расстегнутой на две верхние пуговицы голубой рубашкой протянулась ожерельем строчка маленьких нефритов, будто вплавленных прямо в кожу у ключиц.

Господин Унь поспешил вслед за Хило, заламывая руки.

— Коул-цзен, мне так неловко, что вас беспокоили. Даже не знаю, как эти жалкие воришки пробрались на кухню. Могу я как-нибудь загладить происшествие? Я сделаю что угодно. Еда, напитки — если пожелаете, конечно...

— Такое случается, — обезоруживающе улыбнулся Хило.

Но ресторатора это не успокоило. Когда он кивнул и вытер взмокшие брови, то выглядел даже более нервным.

— Убери нож, дядя Цзу. Господину Уню и так придется тут прибираться, не хватало еще крови на ковре.

И к тому же все эти люди заплатили за ужин, не стоит портить им аппетит.

Шон Цзу призадумался. Хило назвал его дядей, выказав уважение вопреки тому, что его публично унизили. Но очевидно, этого было недостаточно, чтобы смягчить Шона. Он ткнул ножом в сторону Боро и Сампы.

— Они украли нефрит! Их жизнь принадлежит мне, и никто не посмеет возразить.

Хило протянул руку к Тару, и тот сунул ему бумажный пакет. Хило высыпал в ладонь два камня. Кен отдал третью серьгу. Хило задумчиво покатал три зеленых камешка в руке и посмотрел на Шона, сдвинув брови в неодобрении.

Гнев схлынул с лица Шона, сменившись трепетом. Он уставился на свой нефрит в чужой руке — теперь его сила текла по жилам Коула Хило, а не в нем самом. Шон застыл. Все молчали, тишина внезапно стала зловещей.

Шон хрипло откашлялся.

— Коул-цзен, этими словами я не хотел выказывать неуважения к вам, как к Штырю. — Теперь он говорил другим тоном, как со старшим. — Конечно, в вопросах правосудия я покоряюсь решениям клана.

Хило с улыбкой взял ладонь Шона и бросил в нее три камня. А потом накрыл их пальцами Шона.

— Ничего страшного не случилось. Мне нравится, когда у Кена и Тара возникает повод поразмяться. — Он подмигнул братьям, словно рассказывает анекдот одноклассникам, но когда повернулся обратно к Шону, добродушное выражение с лица исчезло. — Похоже, дядя, тебе стоит меньше пить и лучше приглядывать за своим нефритом.

Шон Цзу стиснул нефрит и в приступе облегчения прижал кулак к груди. Его жирная шея побагровела от унижения, но больше он ничего не сказал. Даже в таком затуманенном состоянии, под действием снотворного, он не был глуп и понимал, что получил предупреждение — после сегодняшней прискорбной оплошности он остается Зеленой Костью, только пока так считает нужным Коул Хило. Шон попятился, понурился, понурился голову.

Хило развернулся и помахал замершим зевакам.

— Представление окончено. Плата не требуется. Давайте закажем еще каких-нибудь великолепных блюд господина Уня и выпьем, конечно же!

По залу прокатилась нервная зыбь смешков, и публика подчинилась, вернувшись к еде и друзьям, хотя изредка все тайком бросали взгляды на Коула Хило, братьев Маик и двух жалких подростков на полу. Не так уж часто простые, не обладающие нефритом жители города могли увидеть в действии потрясающие способности Зеленых Костей. Теперь они разойдутся по домам и расскажут знакомым о том, что видели, как вор двигался быстрее любого нормального человека и вломился через деревянную дверь, но насколько же быстрее и сильнее по сравнению с ним оказались братья Маик, и как даже они пасовали перед молодым Штырем.

Кен и Тар подняли воров и вынесли их из здания.

Хило последовал за ними, господин Унь суетился рядом, бормоча запинаящимся голосом:

— Умоляю, простите, простите. Я тщательно проверю весь персонал, я и понятия не имел...

Хило положил руку ему на плечо.

— Это не ваша вина. Трудно предсказать, кто подхватит нефритовую лихорадку и свернет на кривую дорожку. Мы займемся ими снаружи.

Господин Унь с явным облегчением кивнул. На лице у него было написано такое выражение, будто он только что столкнулся с автобусом, но при этом лишь отклонился от курса и выронил под ноги портфель с деньгами. Если бы сегодня в ресторан не зашли Хило и братья Маик, ему пришлось бы иметь дело с двумя трупами и одной очень злой и пьяной Зеленой Костью. Но после открытого вмешательства Штыря ресторан «Двойная удача» не только избежал катастрофы, но и заслужил славу. О сегодняшнем происшествии разойдутся слухи, и публика повалит валом.

При этой мысли Хило взбодрился. «Двойная удача» был не единственным заведением Равнинного клана в этом районе, но одним из самых прибыльных и крупных, и клан нуждался в дани от него. А что еще

важнее, Равнинный клан не мог позволить себе потерять лицо, если это место прогорит или его захватят другие. Если верный Фонарщик вроде господина Унь лишится дохода или жизни, ответственность за это падет на Хило.

Он доверял господину Уню, но люди есть люди. Они всегда на стороне сильных. Даже если сегодня «Двойная удача» — заведение Равнинного клана, может случиться и так, что его владельца станут принуждать переметнуться к конкурентам в обмен на поддержку семейного бизнеса и чтобы сохранить на плечах голову. Хило не тешил себя иллюзиями по поводу того, какой тот делает выбор. В конце концов, Фонарщики — всего лишь обыватели без нефрита, они часть клана и важны для его существования, но не готовы ради него умереть. Они не Зеленые Кости.

Хило остановился и указал на сломанную дверь.

— Пришлите мне счет за ущерб. Я этим займусь.

Господин Унь заморгал, потом стиснул ладони и несколько раз прикоснулся ими ко лбу в вежливой благодарности.

— Вы так щедры, Коул-цзен. В этом нет необходимости...

— Не глупите, — ответил Хило и оглядел его. — Скажите, друг мой, в последнее время вы не слышали еще о каких-нибудь проблемах поблизости?

Взгляд ресторатора тревожно дернулся, пока вновь не остановился на лице Хило.

— Какого рода проблемах, Коул-цзен?

— О Зеленых Костях из другого клана, — пояснил Хило. — О таких проблемах.

Господин Унь поколебался, а потом оттянул Хило в сторонку и понизил голос.

— Не здесь, в Доках, нет. Но приятель моего племянника работает барменом в «Танцовщице», это в Трущобе. Он говорит, что видел людей из Горного клана, они приходят почти каждый вечер, садятся где вздумается и ожидают бесплатную выпивку. Говорят, это часть дани, и что Трущоба — территория Горных. — Господин Унь отшатнулся, испугавшись выражения лица Хило. — Может, это пустая болтовня, но раз вы спросили...

Хило похлопал его по руке.

— Болтовня никогда не бывает просто болтовней. Дайте нам знать, если услышите что-нибудь еще, хорошо? Вы всегда можете позвонить.

— Конечно. Конечно, расскажу, Коул-цзен, — и господин Унь снова дотронулся ладонями до лба.

Хило в последний раз хлопнул его по плечу и вышел из ресторана.

На улице Хило остановился и вытащил из кармана пачку сигарет. Дорогих эспенских сигарет, он питал к ним слабость. Он сунул сигарету в рот и огляделся.

— Может, вон там? — предложил он.

Братья Маик оттащили подростков от «Двойной удачи» и толкнули на гравийный склон у кромки воды, чтобы не было видно с дороги. Пухлый абукеец брыкался и кричал, другой обмяк и притих. Братья Маик бросили воров на землю и начали избивать. Со всей силы, ритмичными ударами по корпусу, ребрам, животу и спине. И по лицам, пока они не набухли почти до неузнаваемости. Никаких ударов по жизненно важным органам — по горлу или затылку. Кен и Тар были хорошими Кулаками, не беспечными и не кровожадными.

Хило курил и наблюдал.

Опустился вечер, но не совершенно темный. Вдоль берега сияли фонари, а фары проезжающих машин вспыхивали белым. Далеко на воде сквозь ключья тумана и городской смог проглядывали медленно перемещающиеся огни судов. Воздух был теплым и полным ароматов — сладости перезревших фруктов и вони дыхания девяност тысяч жителей города.

В свои двадцать семь Хило еще помнил времена, когда автомобили и телевидение были в Жанлуэ в новинку. Теперь они заполонили все, а плюс к ним еще больше людей, новые фабрики, уличная еда с чужеземными вкусами, вроде мясных шашлычков и острого творожного сыра. Казалось, столица вот-вот лопнет, а вместе с ней и все жители, и Зеленые Кости. Как будто существует какое-то подводное течение, думал Хило, все движется слишком быстро, словно город — это новый, только что смазанный механизм, установленный на предел мощности, и вот-вот выйдет из-под контроля,

нарушив естественный порядок вещей. Что творится в мире, если парочка неуклюжих, неумелых портовых выроdkов задумала украсть нефрит у Зеленой Кости и это почти удалось?

По правде говоря, Шон Цзудонрю заслужил потерю нефрита. Хило мог бы забрать три его серьги себе в качестве наказания за бесчестье. И он испытывал такое искушение, когда энергия растекалась по венам жидким теплом, пока он крутил камни в руке.

Но бесчестью забирать несколько камешков у жалкого старика. Вот чего не могли понять воришки — один лишь нефрит не делает Зеленой Костью. Нефритовым воином делают кровь, тренировки и клан, так было всегда. Хило должен поддерживать и личную репутацию, и репутацию клана. Шон Цзудонрю — пьяница, старый дурак, пародия на Зеленую Кость, но он остается Пальцем на службе у Равнинных, а значит, если на него напали — Хило должен разобраться.

Он бросил сигарету и затоптал ее.

— Достаточно, — сказал он.

Кен тут же отошел. Более усердный Тар напоследок пнул каждого еще разок. Хило пристальнее изучил подростков. Один был в форме официанта и выглядел как настоящий кеконец — худощавый, с длинными руками, темными глазами и волосами. Он лежал полумертвый, хотя трудно сказать — то ли от избиения, то ли от нефритовой ломки. Круглолицый абукеец тихо всхлипывал, не переставая повторять: «Это была не моя идея, не моя, я не хотел, отпустите, прошу вас, я больше не буду, я никогда...»

Хило поразмыслил — а вдруг мальчишки не такие кретины, какими выглядят, а шпионы или наемные головорезы Горных или какого-нибудь мелкого клана. Он взвесил шансы и решил, что они ничтожны. Хило присел и отбросил волосы с мокрого лба абукейца, тот в ужасе зажмурился. Хило покачал головой и вздохнул.

— И о чем ты только думал?

— Он обещал, что мы получим кучу денег, — всхлипнул подросток, немного фальшиво. — Сказал, старик так пьян, что даже не заметит. Сказал, что знает покупателя

ля, надежного, он заплатит полную цену, как за резной нефрит, и не будет задавать вопросы.

— И ты ему поверил? Надо быть полным безумцем, чтобы рассчитывать украсть нефрит у Зеленой Кости и продать камни.

Хило поднялся. С кеконцем уже ничего не поделаешь. Сердитые юнцы подхватывают нефритовую лихорадку, Хило видел такое много раз. Нищих и наивных, полных беспощадной энергии и честолюбия, нефрит притягивает их, как мед муравьев. Они романтизируют легендарных гангстеров, Зеленых Костей, посмотревшись комиксов и фильмов об их подвигах. Замечают, как люди произносят «цзен» — уважительно и с легким опасением, и хотят стать такими же. И не имеет значения, что без многолетних боевых тренировок они не способны контролировать силу нефрита. Они загораются, теряют голову и уничтожают себя и других.

Нет, это безнадежный случай.

А вот абукеец просто глуп. Насколько безнадежно? Можно простить мальчишку вроде него, играющего в лотерею с нырянием в реку, но нельзя простить оскорбление клана.

Как будто прочитав мысли Хило, подросток ускорил словесный поток:

— Пожалуйста, Коул-цзен, я был глуп, я знаю, это было глупо, этого никогда больше не повторится, клянусь. Я только доставал нефрит из реки. Если бы вместо Ги не появился новый резчик, я бы ни о чем другом и не думал. Я больше не притронуся к нефриту, клянусь...

— Что ты сказал?

Хило снова наклонился над ним, прищурившись.

Подросток посмотрел на него в страхе и недоумении.

— Я... что я...

— По поводу нового резчика, — сказал Хило.

От настойчивого взгляда Хило мальчишка задрожал.

— Я... я... отдавал все, что выловлю из реки, Трехпалому Ги. За необработанный нефрит он тут же платил наличными. Немного, но все равно неплохо. Ги — резчик в этой части города, и большинство наших...

— Я знаю, кто он, — нетерпеливо оборвал его Хило. — Что с ним случилось?

Потихоньку в глазах парнишки начала поблескивать надежда — он понял, что знает кое-что, чего не знает Штырь Равнинного клана.

— Ги больше нет. В прошлом месяце появился новый резчик, сказал, что будет скупать у нас весь нефрит, сколько найдем, необработанный или резной, без вопросов. Он предложил Трехпалому Ги работать вместе, но Ги не видел смысла делить бизнес с новичком. И тогда тот парень его убил. — Мальчишка вытер рукавом сопли и кровь из носа. — Говорят, он задушил Ги телефонным проводом, а потом отрезал остальные пальцы и послал их другим резчикам города в качестве предупреждения. И теперь все, что мы найдем в реке, отправляется к нему, а он платит только половину от того, что платил Ги. Вот почему я решил бросить это дело...

— Ты видел этого резчика? — спросил Хило.

Подросток задумался, пытаясь решить, какой ответ спасет ему жизнь, а за какой его убьют.

— Д-да. Один раз.

Хило переглянулся с Кулаками. Абукейский мальчишка разрешил одну тревожную загадку, но за ней потянулась другая. Пусть Трехпалый Ги был нелегальным резчиком нефрита, но знакомым и понятным, блудным псом во дворе у Хило, крадущим из мусорных баков, но не причиняющим значительного ущерба, чтобы его стоило убить. Пока он только покупал необработанный нефрит у абукейцев, кланы не трогали его контрабандную торговлю в обмен на периодические наводки на рыбу покрупнее. Кто посмел бросить вызов власти Равнинного клана и убить Ги?

Хило снова повернулся к мальчишке.

— Можешь описать его, этого нового резчика?

Тот снова заколебался.

— Да... Я... Наверное.

Когда парнишка заикаясь описал резчика, Хило встал.

— Подгони машину, — велел он Кену. — Отвезем мальчишек к Колоссу.

Глава 3

Бессонница Колосса

КОУЛ ЛАНШИНВАН не мог заснуть. Когда-то он хорошо высыпался, но в последние три месяца хотя бы раз в неделю не мог сомкнуть глаз. Его спальня на последнем этаже главного особняка Коулов выходила на восток и выглядела отвратительно огромной и пустой, как и кровать. Иногда по ночам он смотрел в окно, пока к горизонту не подкрадывался робкий свет зари. Лан пытался медитировать перед сном, чтобы успокоиться. Пил травяной чай и принимал соляные ванны. Он раздумывал, не пора ли посоветоваться с врачом. Может, терапевт Зеленых Костей сумеет понять, какие энергетические потоки находятся не в равновесии, расчистит преграды для заблокированной энергии, пропишет правильную диету и восстановит баланс.

Но он устоял перед искушением. В тридцать пять лет он должен находиться на пике сил и здоровья. Вот почему дед наконец передал ему бразды правления, вот почему остальные Равнинные согласились с тем, что власть перейдет от легендарного, но старого и больного Коула Сенингтуна к внуку. Если пойдет слух, что Колоссу клана нездоровится, это плохо на нем отразится. Даже такой пустяк, как бессонница, может вызвать ненужные домыслы. А вдруг у него проблемы с психикой? Вдруг он не может справиться со своим нефритом? Если его сочтут слабым, это может стать смертельным.

Лан встал, натянул рубашку и спустился по лестнице. Он надел ботинки и вышел в сад. Ему тут же полегчало. Семейный особняк стоял почти в самом центре Жанлуна — из окон верхнего этажа виднелась красная крыша здания Королевского совета и конические ярусы Триумфального дворца, но строения и сады, принадлежащие Коулам, раскинулись на двух гектарах, а высокие стены из красного кирпича закрывали их от городской суеты. Для Зеленой Кости здесь не было тихо — Лан слышал шуршание мыши в траве, жужжание крохотного жучка в пруду, хруст собственных шагов по

гладкой мощеной дорожке, но вечный городской гул был приглушен. Сад был оазисом покоя. Здесь, в одиночестве в маленьком уголке природы, вдалеке от водоворота чужих нефритовых аур, Лан мог расслабиться.

Он сел на каменную скамью и закрыл глаза. Он неторопливо исследовал собственное дыхание и биение сердца, ритмичный поток крови по венам. Лан проследил взглядом за летучей мышью, метнувшейся над головой и хватающей в воздухе насекомых. В ветерке от маленького пруда он уловил аромат цветения магнолии и жимолости. Он искал на земле мышшь, которую услышал чуть раньше, и обнаружил ее — горячий сгусток пульсирующей жизни, застывший яркий комок на темной лужайке.

Учеником Академии Коула Душурона он однажды провел всю ночь запертым в гулком, угольно-черном погребе с тремя крысами. Этот экзамен по Чутью сдавали ученики в возрасте четырнадцати лет. Он шел вслепую, держась за холодные каменные стены, прислушиваясь к едва заметному скрежету крохотных коготков и пытаясь согреть кровь, как змея, прекрасно понимая, что сдаст экзамен только в одном случае — если убьет всех острозубых крыс голыми руками. При этих воспоминаниях спина Лана напряглась.

Он ощутил толчок на периферии сознания — приближался Дору. Он пересекал сад — невидимый, но его выдавала нефритовая аура, разрывающая ночь, будто прорезавшая дым красная вспышка.

Лан выдохнул и открыл глаза, губы изогнулись в кривоватой улыбке. Если Дору застанет его за охотой на мышей в ночном саду, то это будет куда более серьезным симптомом умственного расстройства, чем бессонница. Но Лана рассердило, что кто-то прервал его одиночество, и он не встал поприветствовать гостя.

Голос Юна Дорупона был мягким и хрипловатым. Он пах лекарствами, а голос звучал, как будто в кастрюлю сыплют гравий.

— Ты здесь, в одиночестве? Что-то случилось, Лан-се?

Лан нахмурился, услышав уменьшительный суффикс — так обращаются взрослые к ребенку, а не к стар-

пему по званию. Использование этого имени Шелестом означало нарушение субординации. Лан понимал, что Дору не хотел его оскорбить, просто никак не может избавиться от старых привычек. Дору знал его с детства, он служил Коулам, сколько помнил Лан. Но предполагается, что он должен быть советчиком и стратегом, а не выступать в роли заботливого дядюшки.

— Ничего не случилось, — ответил Лан. Он наконец встал и повернулся к Дору. — Мне нравится выходить по вечерам в сад. Иногда нужно побыть наедине с собственными мыслями.

Легкий упрек за вторжение.

Дору, похоже, упрека не заметил.

— Уверен, тебе есть о чем подумать.

Шелест был тощим как жердь, с похожей на яйцо головой и острым подбородком, и даже в тягостную летнюю жару носил шерстяные свитера и темные куртки, в которых выглядел полнее. Чопорные манеры придавали ему вид ученого, что совершенно не соответствовало действительности. Несколько десятилетий назад Дору был Человеком Горы и одним из тех неукротимых мятежников, которые под предводительством Коула Сенингтуна и Айта Югонтина покончили с иностранной оккупацией острова Кекон. Последний год Мировой войны Дору провел в шотарской тюрьме, ходили слухи о том, что скрывается под его мешковатой одеждой, — якобы из его ног и рук вырваны куски плоти, а еще ему отрезали яйца.

— К концу месяца КНА должен определить квоты на экспорт. Ты уже принял решение, как проголосуешь?

Споры внутри Кеконского Нефритового Альянса по поводу того, стоит ли увеличивать продажу нефрита иностранным державам, а именно Эспении и ее союзникам, шли всю весну.

— Ты знаешь мое мнение, — ответил Лан.

— Ты обсудил это с Коулом-цзеном?

Естественно, Дору имел в виду Коула Сенингтуна. Пусть в семье есть еще три Зеленых Кости помладше, для Дору всегда останется только один Коул-цзен.

Лан не показал своего раздражения.

— Нет нужды его беспокоить.

Возможно, не один лишь Дору в Равнинном клане ожидает, что по поводу серьезных решений Лан будет советоваться с дедом, но так не может больше продолжаться. Давно пора дать понять, что только Лан — полновластный Колосс.

— Эспенцы слишком многого хотят. Если мы всегда будем давать им, что попросят, то скоро последний нефрит с острова окажется на эспенских армейских складах.

Шелест немного помолчал, а потом кивнул.

— Как скажешь.

И тут Лану пришла в голову неожиданная мысль: Дору стареет, он уже слишком стар, чтобы меняться. Он был Шелестом деда и всегда будет считать себя таковым. Придется его заменить. Лан отбросил эту неприятную мысль. Даже хорошее Чутье не позволяло Зеленым Костям читать мысли, но некоторые так натренировались, что могли разобрать их по малейшим внешним проявлениям. Дору носил лишь тонкие нефритовые кольца на больших пальцах, но Лан знал, что остальной нефрит спрятан от взглядов, а Дору куда более умел, чем кажется, и может почувствовать внезапный поворот в мыслях Лана, даже если они никак не отразятся на лице. Он скрыл любые признаки нетерпения.

— Ты же пришел не затем, чтобы терзать меня по поводу КНА. В чем дело?

На воротах включились прожектора, залив фасад дома и длинную подъездную дорожку желтым светом.

— Только что приехал Хило, — сказал Дору. — Он срочно хочет с тобой увидеться.

Лан быстро пересек сад в направлении силуэта огромного седана Хило, который ни с чем не спутаешь. Маик Кен, один из лейтенантов его брата, прислонился к водительской дверце «Княгини Прайзы», глядя на часы. Маик Тар стоял чуть в стороне, рядом с Хило. У их ног лежали два мешка. Подойдя поближе, Лан увидел, что эти мешки — на самом деле два подростка, стоящие на коленях, головой в асфальт.

— Рад, что застал тебя, пока ты еще не спишь, — поддразнил его Хило.

Младший Коул частенько рыскал по улицам до рассвета, уверяя, что это часть обязанностей хорошего Штыря, угроза его присутствия умиряет разного рода мерзавцев, творящих свои дела на территории клана, когда опускается темнота. Никто не скажет, что Коул Хило не посвятил делам всего себя, в особенности когда они касались еды и выпивки, красивых девушек и громкой музыки, баров, игорных залов и периодических жестоких стычек.

Лан пропустил издевку мимо ушей и посмотрел на двух парнишек. Перед тем как привезти сюда и положить на дорожку, их избили до полусмерти.

— Что это значит?

— Старый пропойца Шон Цзу чуть не лишился своих жалких нефритов из-за этих клоунов, — объяснил Хило. — Но вышло так, что вот этот, — он поддел ногой более крупного мальчишку, — рассказал кое-что интересное, и я решил, что тебе стоит услышать это лично. Давай, парень, расскажи Колоссу все, что знаешь.

Юнец поднял голову. Оба его глаза заплыли, губа была рассечена. Из-за разбитого носа голос звучал гнусаво. Он рассказал Лану о внезапном захвате контрабандного бизнеса Трехпалого Ги.

— Я не знаю, как зовут новичка. Мы называем его просто Резчик.

— Он абукеец? — спросил Лан.

— Нет, — прошамкал мальчишка вздувшимися губами. — Иностранец, каменноглазый. Носит куртки, как у югутанцев, и квадратную кепку. — Он бросил нервный взгляд на своего товарища, когда тот заворочался и застонал.

— Опиши, как выглядит Резчик, — велел Хило.

— Я видел его только раз, всего несколько минут, — заюлил парнишка, снова испугавшись резкого тона Хило. — Он невысокого роста, немного полный. У него усы и щербатое лицо. Одевается как югутанец и носит пистолет, но говорит по-кеконски без акцента.

— На какой территории он работает?

Абукеец вспотел от этого допроса. Он умоляюще обратил почерневшее от синяков лицо к Лану.

— Я... я точно не знаю. В основном в Кузнице. Частично в Папайе и в Доках. Может, даже в Монетке и Рыбачьем. — Он ткнул лбом в асфальт, и голос стал приглушенным. — Коул-цзен. Колосс. Я никто, пустое место, просто глупый мальчишка, сделавший глупую ошибку. Я рассказал все, что знаю.

Второй парень пришел в себя, хотя и молчал, только шумно дышал.

— Посмотри на меня, — велел Лан.

Подросток поднял голову. Белки его глаз покраснели от лопнувших капилляров. Выглядел он затравленным и не в себе — это было уже не лицо мальчика, а лицо человека, вкусившего нефрит не с той стороны и совершенно уничтоженного им. Видимо, он страдал от страшной боли, но до сих пор излучал внутренний жар, сгорая, как струя газа.

Лан ощутил к нему легкий прилив жалости. Парень стал жертвой смутных времен. Раньше законы природы были ясны. Абукейцы невосприимчивы к нефриту. Иностранцы по большей части — слишком чувствительны, даже если шотарец или эспенец научится контролировать физическую и ментальную силу, он наверняка падет жертвой Зуда. Лишь кеконцы, особый народ, столетия назад взявший начало от смешения крови абукейцев и древних тунских поселенцев на острове, обладают прирожденной способностью обуздывать силу нефрита, да и то после многолетней интенсивной подготовки.

К сожалению, в наши дни хвастливые рассказы об иностранцах, якобы научившихся носить нефрит, вселили в головы нищей кеконской ребятни дурацкие идеи. Они стали думать, будто им лишь нужно немного потренироваться в уличных драках, ну, могут еще понадобиться правильные медикаменты.

— Нефрит для таких, как ты, — это смерть. Украдешь ли ты его, продашь ли, наденешь — все закончится одинаково: ты будешь кормить червей. — Лан уставился на мальчика суровым взглядом. — Убирайтесь с моей земли, оба, и не попадайтесь больше на глаза моему брату.

Абукеец поднялся на ноги, а второй сделал это даже быстрее, чем мог предположить Лан. Они торопливо поковыляли к выходу, ни разу не оглянувшись.

— Вели охране отпереть ворота, — приказал Лан Маику Кену.

Тот взглянул на Хило в ожидании одобрения приказа Лана. Эта крохотная деталь вывела Лана из себя. Братья Маик были по-рабски преданы Хило. Они внимательно смотрели на улепетывающих подростков, запоминая их лица.

Улыбка исчезла с лица Хило. Без нее он выглядел на свой возраст, а не чуть старше измордованных им подростков.

— Я бы оставил жизнь абукейцу, — сказал он, — но насчет второго... ты ошибся. Он вернется, у него это на лице написано. Мне все равно придется его убить, только чуть позже.

Возможно, Хило и прав. Есть два типа похитителей нефрита. Большинство хочет заполучить силу нефрита для статуса, денег, власти над другими, но для некоторых желание обладать камнями становится навязчивым, свербит в мозгу и только растет день ото дня. Вероятно, Хило верно рассудил, следовало разобраться с мальчишкой при первом же проступке, но Лан не был готов утверждать, что тот не сумеет найти какой-то другой способ удовлетворить честолюбие.

— Ты преподал ему урок, — сказал он. — Нужно давать людям шанс усвоить уроки. В конце концов, они же просто дети, глупые дети.

— Не припомню, чтобы глупостью можно было оправдаться, когда я был ребенком.

Лан посмотрел на брата. Хило стоял, сунув руки в карманы, расставив локти и чуть выдвинув вперед плечи с намеком на дерзость. «Ты сам еще ребенок», — эгоистично подумал Лан. Штырь — второй человек в клане, равный по статусу Шелесту, и, как предполагается, должен быть закаленным бойцом. Хило стал самым молодым Штырем в истории, но все же никто не оспаривал его позицию. То ли потому что он был из Коулов и с честью носил нефрит, то ли потому, что, когда полтора года назад ушел на покой прежний Штырь, дед одобрил назначение Хило одним лишь пожатием плеч. «А кто ж еще для этого подойдет?» — сказал тогда Коул Сен.

Лан сменил тему.

— Ты считаешь, что новый резчик — это Тем Бен.
Утверждение, не вопрос.

— А кто ж еще? — отозвался Хило.

Семья Темов входила в могущественный и контролирующий обширные территории Горный клан. Но Тем Бен, выходец из гордой семьи Зеленых Костей, оказался каменноглазым. Так иногда случается — проявляются рецессивные гены, и рождается кеконец, столь же невосприимчивый к нефриту, как и любой абукеец. Тем Бен, позор семьи и к тому же свирепый забияка, много лет назад покинул родных и отплыл учиться и работать в далекий северный Югутан. Его внезапное возвращение на Кекон и бурное внедрение на черный рынок необработанного нефрита выглядело вполне правдоподобно. Только невосприимчивый к нефриту каменноглазый может покупать, обрабатывать и продавать на улицах нефрит. И становилось весьма тревожно от того, к чему могли вести его действия.

— Он не вернулся бы без приказа семьи, — заключил Хило. — А Темы не сделают ни шагу без одобрения Айт. — Хило шумно отхаркнулся и сплюнул в кусты. Он, конечно же, говорил об Айт Маде, нынешнем Колоссе Горного клана, приемной дочери великого Айта Югонтина. — Клянусь своим нефритом, эта жадная сучка не только в курсе событий, но и держит руку на пульсе.

Все это время Дору маячил где-то на заднем плане, и теперь, как призрак, выступил вперед, чтобы присоединиться к разговору.

— Колосс Горного клана лично занимается резчиками на черном рынке нефрита? — Он не скрывал своего скепсиса. — Серьезный вывод на основании слов перепуганного абукейского мальчишки.

Хило посмотрел на него с плохо скрываемым презрением.

— Может, Шон Цзу и пьяный кретин, но держит уши по ветру. Он говорит, наших Фонарщиков в Трущобе поприжали. Владелец «Двойной удачи» рассказал мне ту же историю — дескать, их доят Пальцы Горных. Если Горные пытаются вытеснить нас из Трущобы, трудно поверить, что они не захотят внедрить своего человека, чтобы работал в наших районах и снабжал их инфор-

мацией. Они поставили на то, что мы не тронем нового резчика и не станем устраивать склоку с Темами из-за какой-то мелкой контрабанды.

— Ты делаешь слишком много предположений, Хило-се. — Дору говорил совершенно спокойно, в отличие от Хило. — Айты и Коулы через многое прошли вместе. Горные не выступят против твоего деда, пока он жив.

— Я лишь рассказываю, что мне известно.

Хило вышагивал перед братом и Дору. Лан ощущал волны его возбуждения. Нефритовая аура Хило выглядела яркой жидкостью по сравнению с густым дымом ауры Дору.

— Дед и Айт Югонтин уважали друг друга, даже когда были соперниками, но все это в прошлом. Старый Ю умер, и Айт Мада ведет собственную игру.

Обдумывая слова брата, Лан посмотрел на огромный, широко раскинувшийся особняк Коулов.

— Многие годы Равнинный клан быстрее увеличивал влияние, чем Горный, — заметил он. — Они знают, что только мы представляем для них угрозу.

Хило остановился и взял брата за руку.

— Позволь мне сходить в Трущобу с пятью Кулаками. Айт нас проверяет, посылает самых мелких Пальцев чинить неприятности и хочет посмотреть, как мы ответим. Так давай прирежем нескольких и отправим ей в мешках. Пошлем сигнал, что с нами шутить не стоит.

Тонкие губы Дору скривились, как будто он откусил лимон. Клиновидная голова повернулась, и в младшего Коула впился презрительный взгляд.

— Они убили кого-нибудь из наших, Зеленую Кость или Фонарщика? Ты предлагаешь нам первыми пролить кровь? Нарушить мир? От Штыря ожидают определенную свирепость, но такая ребяческая реакция сослужит дурную службу твоему Колоссу.

Аура Хило полыхала, как раздутое ветром пламя. Лан почувствовал волну жара за секунду до ответа Хило, произнесенного неожиданно ледяным тоном.

— Колосс может и сам решить, плохо ли ему служат.

— Хватит, — огрызнулся на обоих Лан. — Мы здесь, чтобы вместе принять решение, а не устраивать петушиные бои.

— Лан-се, — сказал Дору, — похоже, в Трущобе появились слишком энергичные и задиристые юнцы, этот район всегда был проблемным. — Аура Шелеста мерцала ровно, как раскаленный уголь, неспешной энергией человека, пережившего множество костров и не особо желающего их разжигать. — Уверен, что можно найти мирное решение, которое сохранит уважение между кланами.

Лан переводил взгляд с Шелеста на Штыря. Они — правая и левая рука Колосса и отвечают за деловую и боевую ветви клана. Штырь всегда на виду, занимается тактикой, самый грозный боец клана, предводитель Кулаков и Пальцев, которые патрулируют и защищают территорию клана и ее жителей от соперников и уличной преступности. Шелест — стратег, разрабатывает операции, это мозг, работающий за кулисами в своем офисе вместе со способными Барышниками, обеспечивая клан притоком дани и прибыльными вложениями. Определенные трения между двумя ключевыми фигурами вполне предсказуемы, даже ожидаемы. Но Хило и Дору были полными противоположностями не только по роли в клане, но и по характеру. Глядя на них, Лан задавался вопросом, на кого опереться — на Хило с его чутьем улиц или на Дору с его опытом и осторожностью.

— Попробуй разузнать, стоят ли Айты за Темом Беном, — сказал он Хило. — И пошли побольше Кулаков в Трущобу, но только, — он покачал головой в ответ на загоревшийся взгляд брата, — чтобы подбодрить Фонарщиков и защитить их бизнес. Никаких нападений, никакой мести, и не называйте имен. Никто не прольет кровь без приказа семьи, даже если они запрашивают на нож.

— Мудрое решение, — кивнул Дору.

Хило поморщился, но выглядел он частично умиротворенным.

— Ладно, — сказал он. — Но помяните мое слово, станет только хуже. Мы больше не можем выезжать на дедушкиной репутации. — Он дернул себя за мочку правого уха — привычный жест, отгоняющий неудачу. — Надеюсь, он проживет еще триста лет, — пробормотал он, но без особой убежденности. — Дело все

в том, что Айт пытается показать свою власть Колосса, и если Равнинные хотят удержать свое, тебе нужно сделать то же самое.

— Я не нуждаюсь в поучениях младшего брата, — отрезал Лан.

Хило склонил голову в ответ на упрек. Потом широко улыбнулся, и его лицо изменилось, снова став мальчишеским.

— Точно, поучений тебе и так хватает, верно?

Он дернул плечами, развернулся и зашагал обратно к огромной «Княгине», где курили Майк Кен и Майк Тар, терпеливо дожидаясь своего капитана. Лана всегда поражало, как это безжалостные тренировки в детстве в Академии Коула Душурона не изменили бесшабашную натуру младшего внука Коула — он жил так, как будто все вокруг создано специально для него.

— Прости, что я вел себя с ним так грубо, Лан-се, — тихо сказал Дору. — Хило — грозный Штырь, просто его нужно держать на коротком поводке, — его плотно стиснутые губы изогнулись в улыбке, как будто он знал, что Лан думает так же. — Я тебе сегодня еще нужен?

— Нет. Спокойной ночи, Дору.

Старый советник кивнул и молча удалился по боковой дорожке, ведущей к резиденции Шелеста.

Лан смотрел на него, пока Дору не скрылся из виду, а потом пошел к особняку Коулов. Это было самое крупное здание на территории и самое впечатляющее — чистые и симметричные современные линии, классическое кеконское дерево и зеленая черепичная крыша, бетонные плиты поблескивали крошкой раковин. Белые колонны имели немного нарочитый иностранный вид, придающий величие, Лан скорее всего отказался бы от них, если бы решение принимал он. Его дед потратил значительную часть состояния на планирование и строительство семейного особняка. Он гордился им как символом и говорил, что это показывает, кем теперь стали Зеленые Кости, они открыто пользуются своим богатством, тогда как еще в прошлом поколении их травили, и приходилось скрываться в секретных лагерях, в горных джунглях, выживая лишь благодаря собственному хитроумию и помощи Фонарщиков.

Лан поднял взгляд к верхнему и самому левому окну дома. Там горел свет и виднелся силуэт сидящего в кресле человека. Дед еще не спал, даже в такое время.

Лан вошел в дом и задумчиво потоптался в вестибюле. Пусть Лану и не хотелось этого признавать, но Хило был прав — нужно более твердо показать свою власть как Колосса. Он должен принимать жесткие решения, а учитывая, что сегодня он уже не заснет, можно принять одно из них и сейчас. С легким неприятным чувством он стал подниматься по лестнице.

Глава 4

Факел Кекона

ЛАН ВОШЕЛ В КОМНАТУ деда, обставленную прекрасной мебелью и произведениями искусства — шведские столы из красного дерева, шелковые панно Тунской империи эпохи Пяти Монархов, стеклянные лампы из южного Югутана. Стены были почти сплошь покрыты фотографиями и памятным подарками. Коул Сенингтун был национальным героем, одним из лидеров свирепых Зеленых Костей, которые возглавили восстание и больше четверти века назад наконец-то выкинули с острова империю Шотар. После войны, скромно заявив, что у него нет склонности заниматься политикой или желанием править, Коул Сен превратился в процветающего бизнесмена и внушительную фигуру в городе. Фотографии, где он пожимает руки на различных официальных и благотворительных мероприятиях, соседствовали на стене с почетными грамотами.

Старик, которого когда-то называли Факелом Кекона, обращал мало внимания на свидетельства своих достижений и окружающую роскошь. Большую часть времени он смотрел на город или на далекие зеленые горы, покрытые джунглями и пеленой облаков. Лан гадал, а не к ним ли больше тянет деда на закате жизни. Не к городу, который он помогал выстроить из пепла войны до нынешней гудящей столицы, а в глубину

острова — в то место, которое древние кеконцы считали священным, а иностранцы — проклятым, и где молодой Коул Сен провел славные дни вместе с товарищами по восстанию как воин.

Лан осторожно остановился рядом с креслом деда. В последнее время стало трудно предсказать настроение старика. Коул Сен всегда был деятельным и грозным человеком — скорым на похвалу, но скорым и на критику, и в том и в другом случае необузданным. Он не смягчал выражения, никогда не довольствовался малым, если может рискнуть и одержать полную победу. И даже сейчас, в восемьдесят один год, он излучал плотную и мощную нефритовую ауру.

Но все же он был уже не тот. Его жена, да узнают ее боги, скончалась три года назад, а четыре месяца спустя в возрасте шестидесяти пяти лет от удара умер Айт Югонтин. И с тех пор неукротимая воля Факела постепенно таяла. Без лишних церемоний он передал Лану руководство кланом и теперь часто становился задумчивым и отстраненным, а порой — вспыльчивым и жестоким. Он сидел без движения; несмотря на летнюю жару, худые плечи были закутаны в одеяло.

— Дедушка, — произнес Лан, хотя и знал — объявлять о своем присутствии необязательно. Возраст не притупил чувства патриарха, Чутье по-прежнему позволяло ему опознать приближение Зеленой Кости за квартал.

Коул Сен смотрел куда-то в пространство, трудно сказать, обращал ли он внимание на телепередачу — недавно в углу комнаты установили цветной телевизор. Звук был отключен, но Лан отметил, что это документальный фильм о Мировой войне, и борьба Кекона за независимость была лишь ее небольшой частью. Вспышка света от взрыва на экране отразилась на множестве стеклянных рамок на стенах.

— Шотарцы бомбили горы, — сказал Коул Сен медленно, но зычным голосом, как будто обращался к огромной толпе народа, а не к темному окну. — Но боялись, что возникнут оползни. Они шли по джунглям строем, эти шотарские солдаты. Все выглядели одинаково, как муравьи. Неуклюжие. А мы были как пантеры. Снимали их одного за другим. — Коул Сен ткнул воздух

пальцем, как будто нацеливаясь на невидимых шотарских солдат. — Их пистолеты и гранаты против наших сабель и ножей. Десять шотарцев на одного нашего, но они все равно не сумели нас сокрушить, как ни пытались. А уж как пытались.

И вот опять. Все те же старые истории про войну. Лан заставил себя сохранять терпение.

— И тогда они пришли за Фонарщиками, простыми людьми, которые по ночам вешали для нас зеленые фонари в окнах. Мужчины, женщины, старики, молодежь, бедные, богатые — не имело значения. Если шотти подозревали, что человек имеет отношение к Людям Горы, то не теряли времени на предупреждения. Человек просто исчезал. — Коул Сен откинулся на спинку кресла. Его голос стал серьезным и задумчивым. — Одна семья три ночи прятала меня и Ю в своем сарае. Муж с женой и дочь. Благодаря им мы вернулись в лагерь живыми. А через несколько недель я их навестил, но они пропали. Вся посуда и мебель на месте, даже кастрюля на плите, но людей нет.

Лан откашлялся.

— Это было очень давно.

— Это было, когда я учил тебя всему необходимому — как перерезать ножом горло. Быстро, вот так, — Коул Сен стремительно провел рукой по шее. — В то время тебе было лет двенадцать, но ты схватывал на лету. Помнишь, Ду?

— Дедушка, — поморщился Лан. — Это не Ду. Это я, твой внук Лан.

Коул Сен оглянулся через плечо. Мгновение он выглядел смущенным — Лан не впервые застал его разговаривающим с погибшим двадцать шесть лет назад сыном. Потом с его глаз слетела пелена. Губы разочарованно сжались, и он вздохнул.

— Твоя аура так похожа на его, — пробормотал он и снова повернулся к окну. — Только его была сильнее.

Лан сложил руки за спиной и отвернулся, чтобы скрыть раздражение. Он и без того был достаточно зол, придя сюда и увидев на стене фотографии отца и его награды, да еще приходится терпеть все более частые и откровенные оскорбления со стороны деда.

В детстве Лан берег фотографии отца как зеницу ока и мог разглядывать их часами. На самом большом черно-белом фото Коул Ду стоял между Коулом Сеном и Айтмом Югонтином в армейской палатке. Все трое изучали расстеленную карту. За поясом у них торчали боевые ножи, за плечами висели сабли-полумесяцы. Коул Ду, в свободном зеленом кителе генерала Людей Горы, глядел прямо в камеру и излучал революционную целеустремленность и уверенность.

А теперь Лан смотрел на гору фотографий как на раздражающие пережитки прошлого. Смотреть на них — все равно что на немислимый портрет самого себя, загнанного в капкан времени и пространства. Он был точной копией отца — те же нос и подбородок, даже такое же сосредоточенное выражение лица и прищуренный левый глаз. В детстве напоминания об их сходстве наполняли его гордостью. «Он вылитый отец! Ему на роду написано стать великим воином, Зеленой Костью, — восклицали люди. — Боги вернули нам героя в лице его сына».

Сейчас и фотографии, и сравнения его раздражали. Лан снова повернулся к деду, намереваясь вернуть его к действительности.

— На этой неделе домой вернется Шаэ. Вечером в четверг она зайдет выказать свое почтение.

Коул Сен быстро развернулся вместе с креслом.

— Почтение? — негодуяще повторил он. — А где было ее почтение два года назад? Где было ее почтение, когда она повернулась к клану и стране спиной и продалась эспенцам, как шлюха? Она по-прежнему с тем шотарцем?

— Эспенским шотарцем, — поправил Лан.

— Да все равно, — сказал его дед.

— Она рассталась с Джеральдом.

Коул Сен немного поерзал в кресле.

— Ну хоть какая-то хорошая новость, — проворчал он. — Из этого все равно ничего бы не вышло. Слишком много крови пролито нашими народами. Хотя бы ее дети не станут слабаками.

Лан проглотил ответ в защиту Шаэ, лучше дать старику озвучить свое недовольство и покончить с ним.

Он бы так не сердился, если бы Шаэ не была его любимицей.

— Она останется здесь, по крайней мере на время, — сказал Лан. — Будь к ней добрее, дедушка. Она мне писала и просила передать тебе свою любовь, и что молится за твое здоровье и долголетие.

Старик Коул только фыркнул, но как будто немного успокоился.

— За мое здоровье и долголетие, да? Мой сын мертв. Моя жена умерла. Айт Ю тоже умер. Все кругом моложе меня.

На экране телевизора бегущие шеренги солдат молча выкашивал пулемет.

— Почему я до сих пор жив, если все они мертвы?

Лан едва заметно улыбнулся.

— Потому что боги тебя любят, дедушка.

Коул Сен фыркнул.

— Мы с Айтом Ю под конец не ладили. Сражались бок о бок во время войны, а в мирное время позволили бизнесу встать между нами. — Коул Сен буквально выплюнул это слово. Он обвел комнату узловатой рукой, указывая на все, что построил, с презрением и отвращением. — Шотти не сумели сломить Людей Горы, а мы сумели. Мы разделились на кланы. У меня даже не было возможности поговорить с Ю перед его смертью. Мы оба такие упрямцы. Чтоб ему провалиться. Второго такого уже не будет. Он был настоящим воином, Зеленой Костью.

Было ошибкой приходить сюда. Лан оглянулся на дверь, придумывая лучший предлог. Деда слишком захватили воспоминания о тех днях, когда Зеленые Кости объединились ради своего народа, он не будет слушать про то (если прав Хило), что клан его старого товарища и последователя теперь стал враждебным.

— Уже поздно, дедушка, — сказал он. — Увидимся утром.

Он уже пошел к двери, но Коул Сен повысил голос:

— А что привело тебя сюда в такой час? Давай, говори.

Лан помедлил, держась одной рукой за дверь.

— Это не к спеху.

— Ты пришел поговорить, так говори, — приказал дед. — Ты же Колосс! Так не жди.

Лан резко выдохнул и развернулся. Он подошел к телевизору и выключил его, а потом посмотрел на деда.

— Речь о Дору.

— И что с ним?

— Думаю, ему пора на покой. Пришло время назначить нового Шелеста.

Коул Сен наклонился вперед, теперь полностью включившись в разговор, его взгляд стал жестким.

— Он тебя подвел?

— Нет, дело не в этом. Просто мне нужен кто-то другой. Со свежим взглядом.

— И кто, например?

— Может быть, Вун. Или Хами.

Старший Коул нахмурился, сетка морщин на его лице сложилась в новое созвездие неудовольствия.

— Думаешь, хоть один из них будет таким же способным и преданным Шелестом, как Юн Дорупон? Кто еще сделал для клана столько же? Он никогда не уводил меня с правильного пути, никогда не подвел ни на войне, ни в бизнесе.

— Не сомневаюсь.

— Дору всегда был со мной. А мог бы уйти к Горным. Айт принял бы его с распростертыми объятьями. Но он согласился со мной, что нужно быть открытыми для мира. Когда-то нас покорили шотти, потому что мы слишком долго находились в изоляции. Дору всегда меня поддерживал и никогда не колебался. Умный человек. Умный и дальновидный. Расчетливый.

«Ну да, он так и остается твоим человеком до мозга костей», — подумал Лан.

— Он хорошо тебе служил больше двадцати лет. Ему пора на покой. Я хочу, чтобы он ушел с достоинством, со всем почетом. И никакого недопонимания. Я прошу тебя поговорить с ним как с другом.

Дед ткнул пальцем в сторону Лана.

— Дору тебе нужен. Тебе нужен его опыт. Не пытайся затеять перемены только ради перемен! Дору уравновешен и надежен, не как Хило. Тебе и без того достаточно хлопот с этим шальным Штырем. Кто знает, какой

болотный демон прокрался в спальню твоей матери и породил этого мальчишку, пока Ду сражался за свою страну.

Лан понимал, что грубость деда направлена на то, чтобы отвлечь его от первоначальной цели. Он всегда был мастаком по части пустить оппонента по ложному следу, что в сражении, что и позже, в кабинете. Но Лан все равно не мог сдержаться.

— Ты превзошел сам себя в попытке унизить одним махом половину семьи, — резко произнес он. — Если ты такого невысокого мнения о Хило, то почему одобрил его назначение Штырем?

Коул Сен громко засопел.

— Потому что в нем есть огонь и он не слюняй, отдаю ему должное. Шелеста должны уважать, а Штыря — бояться. Мальчишке стоило родиться пятьдесят лет назад, тогда бы он вселял ужас в сердца шотарцев. Он бы стал бесстрашным воином, в точности как Ду.

Глаза патриарха сузились, а взгляд стал испытующим.

— Ду погиб в тридцать лет. Он был закаленным в боях лидером. У него была жена и двое сыновей, а третий ребенок готовился появиться на свет. Он носил нефрит с легкостью бога. Может, ты и выглядишь, как он, но и вполтину не такой. Вот почему другие кланы считают, что могут проявить к тебе неуважение. Вот почему от тебя ушла Эйни.

Лан на секунду потерял дар речи. А потом в ушах заколотилась тупая ярость.

— Эйни не относится к этому разговору.

— Ты должен был его убить! — Коул Сен потряс руками в воздухе, пораженный глупостью внука. — А ты позволил иностранцу без нефрита увести свою жену. Потерял лицо перед кланом!

У Лана промелькнула жуткая мысль выкинуть деда из окна второго этажа. В конце концов, ведь именно этого старик и хотел? Дикой, эгоистичной жестокости. Да, он мог бы подраться с любовником Эйни и убить его, как положено уважающему себя кеконцу. Может, для Колосса это более подходящее поведение. Но совершенно бессмысленное. Бесполезный жест. Он бы не удержал Эйни, она все равно решила уйти. Он лишь

мог растоптать ее счастье и вызвать к себе ненависть. А если кого-то любишь, по-настоящему любишь, то разве счастье этого человека не значит больше, чем собственная честь?

— И каким же образом то, что я не убил человека в споре из-за женщины, делает меня негодным Колоссом? — спросил Лан резким тоном. — Ты назвал меня своим преемником, но не поддерживаешь и не уважаешь. Я пришел только попросить, чтобы ты помог с Дору, а вместо этого получаю одни оскорбления и упреки.

Коул Сен встал. Внезапно и неожиданно проворно. Одеяло сползло с его плеч на пол.

— Если ты достойный Колосс, так докажи это. — Глаза старика были похожи на обсидианы, а лицо — на иссохшую и враждебную пустыню. — Покажи, насколько твои кости зелены.

Лан уставился на деда.

— Не будь смешным.

В один миг Коул Сен преодолел расстояние между ними. Его тело по-змеиному изогнулось, когда он стукнул обеими руками по груди Лана. От хлесткого удара тот отшатнулся. Он едва успел выставить Броню, эхо удара завибрировало по телу нефритовой энергией. Лан упал на одно колено и охнул.

— Зачем ты это сделал?

В ответ дед лишь нацелил костлявый кулак ему в лицо.

Лан поднялся и на этот раз легко отразил удар, как и три других, быстро последовавших за ним. Лан чувствовал, как воздух гудит от столкновения энергий их нефрита.

— Дедушка, — выдохнул Лан. — Прекрати.

Он попятился, пока не наткнулся на стол, по-прежнему отражая град ударов. Лан поморщился, наблюдая за почти неконтролируемой скоростью старика. Пора ему носить поменьше нефрита. Нефрит — как автомобили и огнестрельное оружие, им нельзя пользоваться слабеющим старикам. Правда, Коул Сен вряд ли по доброй воле расстанется даже с микроскопическим камешком из браслетов или тяжелого пояса, которые он всегда носит.

— Ты даже не можешь побить старика.

Коул-старший был похож на злобного хорька — такой же жилистый и костлявый, с дурным характером. Его губы скривились в усмешке, он наносил все новые и новые удары. Лан отклонился и сбил старинную глиняную чашу, она с глухим стуком упала на деревянный пол и покатилась.

— Ну давай же, — прохрипел дед, — где твоя гордость?

Он ударил Лана под рукой, засадив кулаком под нижнее ребро.

Лан охнул от неожиданности и боли. И машинально, не подумав, рубанул деда по голове ребром ладони.

Коул Сен пошатнулся. Его глаза закатились, он осел на пол с написанным на лице детским недоумением.

Лан окаменел. Он обхватил деда за плечи.

— Ты цел? Дедушка, прости...

Дед ткнул двумя вытянутыми пальцами, твердыми как ногти, в нервный узел в центре груди Лана. Тот рухнул, дико закашлявшись, а Коул Сен перевернулся, поднялся на ноги и встал над ним.

— Если хочешь быть Колоссом, то доводи задуманное до конца.

На мгновение возраст Коула Сена улетучился, он снова стал Факелом Кекона. Прямая спина, суровое лицо. Каждый нефрит его тела излучал силу и требовал уважения. На секунду сквозь пелену злости и унижения Лан увидел героя войны, каким был когда-то дед.

— Доводи задуманное до конца! — рявкнул Коул Сен. — А нефрит лишь усиливает то, что внутри тебя. То, что ты задумал. — Он стукнул по собственной груди. Звук был гулким, как от тыквы. — Без этого никакое количество нефрита не сделает тебя могущественным. — Он вернулся к креслу и сел. — Дору останется.

Лан молча поднялся на ноги. Подобрал упавшую чашу и вернул ее обратно на стол, а потом стукнул кулаком по стене, когда его с грустью осенило — только теперь дед по-настоящему сделал его Колоссом, со всей беспощадностью показав, как он одинок.

Лан молча вышел и закрыл за собой дверь.

Глава 5

Кошечка Штыря

КОГДА КОУЛ ХИЛО сел за руль «Княгини», Тар склонился к открытому окну со стороны пассажирского сиденья.

— И что он сказал?

— Наведем в Трущобе порядок, — ответил Хило. — Но никого не убивать, — добавил он. — Только защититъ свое. наших Фонарщиков и наши заведения.

— А если они начнут нас задираТЬ? Все равно не реагировать? — спросил Тар скептическим тоном, подразумевающим, что его босс на такое никогда не пойдет.

Хило подавил вздох. Кен редко задавал вопросы, но Тар был его одноклассником в Академии Коула Ду и иногда любил поболтать. Маик-младший никогда не скрывал, что считает Лана слишком сдержанным, а Хило — сильнейшим из братьев. Конечно, это было в его интересах, и Хило не настолько ценил такое отношение, как, по всей видимости, думал Тар.

— Никого не убивать, — твердо повторил он. — Завтра я поговорю с вами обоими.

Он завел «Княгиню», развернулся на кольце перед домом и поехал обратно по длинной подъездной дорожке.

Он не свернул перед воротами на узкую аллею, ведущую к дому позади особняка брата, жилищу Штыря. Прежним Штырем был седой генерал его деда, и его вкус оставлял желать лучшего. Когда Хило переехал сюда, дом провонял собаками и рыбной похлебкой. Зеленые ковры и обои в клетку. Прошло полтора года, а он так и не сменил отделку. Он собирался, но не хотел с этим возиться. Да и времени он проводил здесь немного. Он не из тех Штырей, что отдают приказы из-за высоких стен и запертых дверей, предоставляя работать Кулакам. Так что в доме он только спал.

Удаляясь от поместья Коулов, Хило положил локоть на открытое окно и барабанил пальцами в ритм с радио. Шотарская клубная музыка. Когда он не слушал

эспенское джигги или кеконскую классику, то включал шотарскую клубную музыку. Многие представители старшего поколения отказывались покупать что-либо произведенное в Шотаре, слушать шотарскую музыку или смотреть шотарские телепередачи, но когда кончилась война, Хило не исполнилось и года, и он не входил в число этих людей.

Его настроение улучшилось. Ему не предоставили всю свободу действий, которую он просил, но он высказался и знал, что делать дальше. Тар не понимал, что Хило ни в малейшей степени не завидует положению брата. Иметь дело с язвительным дедушкой, этим чудачком Дору, политиками из КНА и Королевским советом... Может, у Лана и хватает на это терпения, но у Хило уж точно нет. Жизнь коротка. Он понимал и приветствовал простоту своей роли: возглавлять Кулаков и управлять ими, защищать территорию семьи, обороняться от врагов Равнинного клана. И наслаждаться этим.

Через полчаса езды он оставил позади богатые предместья Дворцового холма и район вокруг дома Коулов и быстро покатил по широкому Генеральскому бульвару. Потом свернул на двухполосную улицу и, наконец, — на сужающиеся улицы Папайи, в старый рабочий район, кишачий маленькими магазинчиками и продавцами сомнительной снеди, застревающими в кривых переулках беспечными рикшами, мопедами и бездомными собаками. Во время войны Папайя осталась почти нетронутой, да и с тех пор мало изменилась, одинаково безразличная к пронырливым иностранцам и к прогрессу. По вечерам улицы превращались в настоящие лабиринты, боковые зеркала «Княгини» едва помещались между мелкими и ржавыми машинами, припаркованными по обеим сторонам улицы, у кирпичных многоквартирных домов, стоящих так близко, что можно высунуться из окна и почти дотронуться до соседской стены.

Хило поставил машину в пяти кварталах от цели поездки. Он не беспокоился, поскольку находился на территории Коулов. Но не хотел, чтобы его узнаваемую машину видели каждую ночь на одном и том же месте — так его перемещения будут казаться рутинны-

ми, а важно сохранять непредсказуемость. И, кроме того, он любил ходить пешком. Температура наконец-то спала, ночь была приятной. Он оставил куртку в машине и неспешно шагал, наслаждаясь покоем часов, заключенных между поздней ночью и ранним утром.

Он прошел мимо двери и взобрался по шаткой пожарной лестнице на пятый этаж. В квартире горел свет. Из-за жары окна были распахнуты настежь. Хило залез внутрь, перемахнув через выщербленный подоконник, и молча двинулся по ковру к свету в спальне.

Она спала с открытой книгой в руках. Лампа у кровати отбрасывала пелену оранжевого света на половину ее лица. Хило встал в дверях и смотрел, как поднимается и опускается ее грудь в мягком и спокойном дыхании. Простыня покрывала только колени. Она была в хлопковой майке в тонкую полоску и голубых трусиках с белой кружевной каемкой. Темные волосы рассыпались по белизне подушки, их щупальца извивались по безупречно белым и гладким плечам.

Хило любовался этим зрелищем, пока ожидание не стало невыносимым. Он пересек комнату, вытащил книгу из пальцев, заложенных на нужной странице, и положил ее на столик у кровати. Она не пошевелилась, и Хило подивился подобной глухоте к возможной опасности. Она была так не похожа на Зеленую Кость, буквально существо из другого мира.

Хило выключил свет, и комната погрузилась в темноту. Потом он лег сверху, придавив ее тело и закрыв рот рукой. Она резко очнулась, глаза распахнулись, а тело дернулось под весом Хило. Она приглушенно вскрикнула, и тогда Хило тихонько рассмеялся и прошептал ей на ухо:

— Тебе стоит быть осторожней, Вен. Если оставлять окно открытым по ночам, через него с дурными намерениями могут проникнуть мужчины.

Она прекратила сопротивляться. Ее сердце еще стучало у груди Хило, возбуждая его, но тело расслабилось. Она убрала его руку от своих губ.

— Сам виноват, — бросила она. — Я заснула, пока тебя дожидалась, а теперь ты пугаешь меня до смерти. Где ты был?

Хило было приятно, что она не спала из-за него.

— В «Двойной удаче», разбирался кое с чем.

Она подняла брови.

— Это кое-что включает игру и стриптизерш?

— Гораздо менее приятное, — заверил он. — Спроси своих братьев, если не веришь.

Вен соблазнительно заворочалась под ним, голые плечи и бедра терлись о его одежду.

— Кен и Тар ничего мне не скажут. Они слишком тебе преданы.

— Надо отдать им должное. — Покусывая ее ухо, Хило расстегивал ремень и стаскивал штаны. — Наверняка замышляют меня убить. Стоило им увидеть, как я на тебя смотрю, и они тут же поняли, что я собираюсь запрыгнуть на их сестренку. — Он стянул с нее трусики и погладил между ног, а потом проник внутрь двумя пальцами. — Пришлось сделать их своими ближайшими Кулаками, пока они меня не прирезали.

— Не стоит их винить, — сказала она, поощряя его движениями бедер.

Пальцы Хило скользили вверх и вниз по влаге и теплу. Вен расстегнула еще три пуговицы его рубашки и стащила ее через голову.

— Чего может хотеть сын великих Коулов от каменногоглазой, тем более из опозоренной семьи вроде моей? Разве что перепихнуться.

— Много раз перепихнуться?

Он поцеловал ее нетерпеливо и яростно, набросившись и губами, и языком. Член мучительно отвердел между ее бедрами. Пальцы Вен зарылись в волосы Хило. Она провела кончиками пальцев по его шее и груди, по нефритам, торчащим вдоль ключиц и в сосках. Она бесстрашно прикасалась к ним и облизывала, без зависти или жажды, просто как к его части, прекрасной части, не более. Хило никогда не позволял другим женщинам прикасаться к его нефриту, и эта бесстрашная близость дико его возбуждала.

Он резко вошел в нее. Она была восхитительна — буря чувств. Солнечный свет и океан, летние фрукты и мускус. Хило стонал от удовольствия, схватившись за изголовье кровати, ему хотелось еще и еще. Обострен-

ные нефритом чувства оглушительно ревели: грохот сердца, гром дыхания, пламя от прикосновения кожи. Он пожалел, что выключил свет, ему хотелось получше ее видеть, впитать каждую деталь ее тела.

Вен приподняла бедра, прижавшись к нему, глаза в глаза — два крохотных пятнышка, отражение уличных фонарей, как свечи, плывущие в пруду. Восторг в ее глазах вытолкнул его на вершину. Он впился губами в вишневые соски. Скользнул в долину между грудями и утонул в бесподобном аромате ее тела. Вен стиснула его бедра и притянула к себе, и Хило блаженно потерял над собой контроль.

Он лежал сверху, из головы уплывали остатки разума, и дышал в мягкий изгиб ее шеи.

— Для меня ты самое важное в жизни.

Он проснулся уже на рассвете. Солнце пробивалось сквозь щели между зданиями, просачивалось в окно. День обещал быть жарким.

Хило смотрел на спящую рядом прекрасную женщину, и в нем просыпалось желание. Ему хотелось схватить ее и обнять, и с помощью какой-то магии втянуть в себя, чтобы охранять ее внутри себя самого, куда бы он ни пошел. До Вен он наслаждался женским обществом и испытывал к девушкам теплые, даже нежные чувства. Но это не шло ни в какое сравнение с его чувствами к Вен. Желание сделать ее счастливой, сильное до боли. Мысль о том, что кто-то может причинить ей боль или отнять у него, наполняла страхом и яростью. Вен могла попросить у него что угодно, и Хило сделал бы это.

Настоящая любовь, думал Хило, чувственна и наполнена восторгом, но также причиняет боль и тиранит, требуя повиновения. Она совершенно не похожа на бунтарское увлечение Шаэ тем эспенцем или на чувственную привязанность между Ланом и Эйни.

Воспоминания об Эйни немного его приземлили. Понадобилось несколько недель, но в конце концов он выследил эту шлюху и мужчину, нанесшего болезненное оскорбление его брату. Они жили в Либоне, в Степенланде. Хило подумывал нанять кого-нибудь, чтобы ими занялся, но клан должен сам разбираться с нане-

сенными ему оскорблениями. И потому он попросил Тара купить ему по фальшивому паспорту билет на самолет. Но когда Хило рассказал о своих планах Лану, Колосс не только не поблагодарил, но даже рассвирепел.

— Я никогда не просил тебя это делать! — рявкнул Лан. — Если бы я хотел их найти, то сделал бы это сам, а значит, для тебя должно быть очевидно, что я не хочу. Оставь их в покое и больше не лезь в мою личную жизнь.

Хило страшно разозлился из-за потраченного зря времени. Вот что он получил взамен на попытку послужить брату. Лан всегда скрывал свои чувства, так откуда же Хило было знать?

Вен заворчалась и издала чудесный сонный звук. Хило позабыл о своих мыслях и забрался под простыню, чтобы разбудить Вен пальцами и губами. Он терпеливо ласкал ее и с радостью довел до конвульсий оргазма, а потом они снова занялись любовью, только уже медленно и расслабленно.

После этого, когда они лежали в липком клубке, Хило сказал:

— То, что ты говорила вчера... о своей семье... Ты не должна так думать. Это случилось с твоими родителями много лет назад, и никто не сомневается в Кене и Таре. Теперь семья Маик снова ладит с кланом.

Вен ответила не сразу.

— Не со всем кланом. Как насчет твоей семьи?

— А что насчет моей семьи?

Она положила голову на плечо Хило.

— Шаэ никогда мне не доверяла.

Хило засмеялся.

— Шаэ сбежала с эспенским моряком, а теперь приползла обратно, как описавший ковер щенок. Она не в том положении, чтобы кого-то осуждать. С какой стати тебе волноваться о ее мнении?

По недовольному тону собственного голоса Хило с удивлением и долей разочарования осознал, что до сих пор не простил сестру.

— Твой дед всегда ее слушал. Вряд ли он одобрил бы меня, даже если бы я не была каменноглазой.

— Он просто слабоумный старик, — ответил Хило. — Лан теперь Колосс.

Хило ободряюще поцеловал ее в висок, но его манеры изменились. Он перекатился на спину и задумчиво уставился на желтый потолочный вентилятор, гоняющий воздух.

Вен повернулась на бок и с беспокойством посмотрела на него.

— Что-то случилось?

— Ничего.

— Рассказывай.

Хило рассказал о вчерашних событиях в «Двойной удаче» и разговоре на подъездной дорожке поместья Коулов. Вен лежала на локте, настороженно стиснув губы.

— Почему Лан отпустил мальчишку? Вор нефрита уже в таком-то возрасте, это неизлечимо. Он доставит тебе еще больше неприятностей.

Хило пожал плечами.

— Знаю, но что я могу сказать? Лан — оптимист. Как вдруг мой твердый старший брат, который всегда ставил меня на место, начал становиться мягкотелым? Его кости зеленые, но он не мыслит как убийца, а Айт готова убивать. Явно грядет война с Горными, как он этого не видит? Этот старый самовлюбленный хорек Дору ведет его не на ту дорожку.

— Уж конечно, Лан должен послушать тебя, а не Дору.

— Дору в клане — как старая лоза, из его хватки не выскользнешь.

Вен села. Блестящие черные волосы рассыпались по спине, солнечный луч высветил безупречный изгиб щеки.

— Тогда ты должен сам начать подготовку к защите Равнинных, — сказала она. — У Дору есть связи, информаторы и соглядатаи. Но все Кулаки и все Пальцы — твои. Зеленые Кости в первую очередь воины, а потом уже бизнесмены. Если начнется война, она выплеснется на улицы, а улицы принадлежат Штырю.

— Моя кошечка. — Хило обхватил Вен за плечи и поцеловал ее в затылок.

Ее можно поставить в пример некоторым Кулакам.

— У тебя сердце нефритового воина.

— И тело каменноглазой. — Ее вздох был таким милым, хотя в голосе звучала горечь. — Если бы я только была Зеленой Костью, я бы тебе помогла. Стала бы твоим самым преданным Кулаком.

— Мне не нужен еще один Кулак, — сказал он. — Ты прекрасна такой, как есть. Оставь тревоги Зеленой Кости для меня.

Он накрыл ладонями ее груди, ощутив их вес в своих руках, и потянулся за новым поцелуем.

Вен отвернулась, не желая, чтобы ее отвлекали от разговора.

— Сколько у тебя Кулаков — хороших, на которых можно рассчитывать? Кен говорит, некоторые из них размякли, привыкли к мирным временам, только смотреть за порядком и собирать дань, никаких сражений. Многие ли из них побеждали в поединках? Многие ли носят больше нескольких мелких камешков?

Хило вздохнул.

— Большинство — настоящие Зеленые Кости, но некоторые — просто мертвый груз.

Вен повернулась к нему лицом. Ее черты не были красивыми в привычном понимании, но Хило находил ее лицо бесконечно привлекательным — широкие кошачьи глаза и темные косые брови, лукавые чувственные губы и почти мужской подбородок. Когда она была особенно серьезной, как сейчас, ему хотелось запечатлеть ее на фотографии. Прямой взгляд, настолько холодный, пронизывающий и загадочный, что заставлял гадать, о чем она думает — не то о сексе, не то об убийстве, не то о прогулке до бакалейной лавки.

— Ты не заглядывал в последнее время в Академию? — спросила она. — Мог бы повидаться с кузеном, взглянуть на учеников восьмой ступени. Посмотреть, кого ты можешь использовать, когда они выпустятся в следующем году.

Хило повеселел.

— Ты права, я уже давно не заходил к Андену. Надо зайти.

Он мягко ущипнул ее за соски, поцеловал в последний раз, встал и потянулся за одеждой. Натягивая штаны и поправляя ножны, он тихо напевал.

— Из этого парня выйдет толк, — объявил он, застегивая рубашку перед зеркальным шкафом. — Стоит ему получить нефрит, и он превратится в настоящую Зеленую Кость, как из легенд.

Вен улыбнулась и заколола волосы.

— Прямо как его Штырь.

Хило прищурился в ответ на лесть.

Глава 6

Возвращение домой

КОУЛ ШАЭЛИНСАН ПРИБЫЛА в международный аэропорт Жанлуна со слегка мутной и ватной головой, что неудивительно после тринадцати часов полета. Пересекая океан, она смотрела в окно на синий простор и как будто поворачивала время вспять — оставляя позади того человека, которым стала на чужбине, и возвращаясь в детство. Ее обуревали противоречивые чувства: едкая, горько-сладкая смесь ликования и поражения.

Шаэ забрала с ленты скромный багаж. Два года в Эспении, безумно дорогой университетский диплом, а все ее имущество умещается в один красный кожаный чемодан. Она слишком устала, чтобы улыбнуться этой жалкой иронии.

Она взяла трубку платного телефона и собралась уже сунуть монету в щель, но остановилась, вспомнив о данном себе обещании. Да, она возвращается в Жанлун, но на собственных условиях. Она будет жить как простая горожанка, а не как внучка Факела Кекона. А значит, не должна звонить брату, чтобы он прислал водителя и забрал ее из аэропорта.

Шаэ положила телефонную трубку на место, отметив для себя, насколько легко вернуться к старым привычкам, стоило только ступить на кеконскую землю. Несколько минут она посидела на скамейке в зоне выдачи багажа, ей не хотелось делать финальные шаги через вращающиеся двери на улицу. Что-то подсказыва-

ло — когда они вытолкнут ее наружу, ничего уже нельзя будет изменить.

Но в конце концов она решила больше не медлить. Шаэ встала и влилась в поток других пассажиров к остановке такси.

Два года назад, когда она уезжала, Шаэ не собиралась возвращаться. Ее переполняли гнев и оптимизм, она решила начать новую жизнь и создать новую себя в большом и современном мире за пределами Кекона, подальше от анахроничных кланов и бьющего через край мужского начала ее семьи. В Эспении оказалось, что сбежать от клейма рожденной в маленькой островной стране, известной главным образом своим нефритом, труднее, чем она ожидала. Шаэ обнаружила, что при упоминании Жанлуна на нее бросают непонимающие взгляды. Иностранцы называли его по-другому — Нефритовый город.

Когда люди узнавали, что она кеконка, то реагировали до смешного предсказуемо. Сначала удивлялись. Для большинства эспенцев Кекон — экзотическое место из сказок. Послевоенный бум мировой торговли вывел его из многовековой изоляции, но не полностью. Она могла с таким же успехом говорить, что прилетела из космоса.

А следующая реакция — веселое подтрунивание. «Так ты умеешь летать? Можешь проходить сквозь стены? Покажи что-нибудь потрясное. Вот, разбей стол, к примеру!»

Она научилась с этим справляться. Поначалу пыталась объяснить. Она оставила весь свой нефрит на Кеконе. Теперь она ничем от них не отличается. Все ее преимущество в силе, скорости и быстроте реакции происходит из-за того, что она рано встает и каждое утро тренируется во дворике своей квартиры. В конце концов, от старых привычек никуда не денешься.

Первые две недели были почти невыносимыми, она чувствовала себя запертой в собственной одиночной камере. Всего стало меньше, чем раньше — меньше цвета, меньше звуков, меньше чувств — отмытый до прозрачности мираж. Тело стало неповоротливым, тяжелым и болело. Ее не покидало чувство потери чего-то

жизненно важного, как будто она сейчас посмотрит вниз и обнаружит отсутствие ноги. А по ночам охватывало паническое ощущение парения в пространстве, словно мир нереален.

Но как будто этого мало, вдобавок ее окружали хвастливые молодые эспенцы с тактичностью обезьян, они говорили только о шмотках, машинах, поп-музыке и вывертах своих поверхностных, но запутанных отношений. Она чуть не сдалась, а после первого семестра даже заказала билет на Кекон. Но гордость пересилила даже нефритовую ломку, от которой подкашивались ноги. К счастью, деньги за билет удалось вернуть.

Слишком сложно было объяснить немногочисленным друзьям по колледжу, что значит носить нефрит, родиться в семье Зеленых Костей и почему она от этого отказалась — она лишь невинно улыбалась и ждала, пока утихнет их любопытство. Джеральд всегда ее поддразнивал. «Ты вроде ведешь себя нормально, но однажды взорвешься и отколешь какой-нибудь номер, да?»

Нет, она уже это сделала. Это с ним она отколола номер.

* * *

Небо превратилось в странную смесь дымки и угасающего света. Бетон стал сырым от Северной Мороси — бесконечных дождей и туманов, налетающих на прибрежные равнины вокруг Жанлуна во время сезона муссонов. День уже клонился к вечеру. Шаэ стояла в очереди к такси. Другие люди в очереди не обращали на нее ни малейшего внимания. На ней было яркое и короткое летнее платье, модное в Эспении, но в родной стране оно казалось слишком вызывающим, а не считая этого, она сливалась с толпой, выглядела в точности как любой другой пассажир. Без нефрита. С облегчением и легким уколом жалости к самой себе она поняла, что ее вряд ли кто-нибудь узнает.

Прибыло следующее такси. Водитель положил ее чемодан в багажник, а Шаэ села на заднее сиденье и открыла окно.

— Куда вам? — спросил шофер.

Шаэ подумывала поехать в гостиницу. Ей хотелось принять душ, отдохнуть после долгого полета, хоть немного побыть в одиночестве. Но она не стала поступать настолько неуважительно.

— Домой, — сказала она и назвала адрес.

Водитель съехал с обочины и влился в шумный поток машин и автобусов.

Когда такси пересекло Выездной мост и показался бетонный силуэт города, на Шаэ нахлынула ностальгия, такая глубокая, что стало трудно дышать. Через открытое окно лился влажный воздух, она слышала родной язык по радио, и даже кошмарный трафик... В горле у нее встал комок, а в глазах слезы. Она смутно понимала, чем теперь займется в Жанлуэ, но безусловно была дома.

Когда они въехали в район Дворцовый холм, таксист то и дело начал поглядывать на нее в зеркало заднего вида. Машина остановилась у высоких железных ворот резиденции Коулов, и Шаэ наклонилась к окну, чтобы поговорить с охранником.

— Добро пожаловать домой, Шаэ-цзен, — сказал тот, удивив ее несоответствующим теперь суффиксом, как и фамильярностью, поскольку назвал по имени.

Охранником был один из Пальцев Хило. Шаэ узнала его в лицо, но не вспомнила имени, так что просто приветственно кивнула.

Такси проехало через ворота к кольцу перед главным особняком. Шаэ потянулась за кошельком, чтобы расплатиться, но таксист сказал:

— Платы не нужно, Коул-цзен. Простите, что поначалу не узнал вас в этой иностранной одежде. — Он развернулся к ней с наполненной надеждой улыбкой. — Мой тесть — преданный Фонарщик. В последнее время у него начались небольшие проблемы с бизнесом. Если вы могли бы...

Шаэ сунула деньги таксисту в руки.

— Возьмите, — настояла она. — Сейчас я всего лишь госпожа Коул. Я не имею в клане права голоса. Скажите моему тестю, чтобы сообщил обо всем по обычным каналам Шелесту.

Она подавила чувство вины, прочитав на его лице разочарование, вышла из такси и потащила чемодан по ступеням ко входу.

У двери ее встретила Кьянла, экономка-абукейка.

— Ох, Шаэ-се, ты так изменилась! — Она обняла Шаэ, а потом отступила, но не выпустила ее. — И пахнешь как эспенка, — весело рассмеялась она. — Но чего ж тут удивительного, ведь ты теперь важная шишка в мире эспенского бизнеса.

— Не говори глупостей, Кьянла, — слабо улыбнулась Шаэ.

Стиснув зубы и работая до седьмого пота, она выпустилась третьей на курсе, хотя и училась не на родном языке, а после Академии Коула Ду эспенские методы обучения ставили ее в тупик. Они так много времени проводили за болтовней в больших аудиториях, как будто каждый студент хотел стать учителем. Весной она прошла собеседования в нескольких крупных компаниях, отбирающих студентов. Шаэ даже получила предложение от одной из них занять должность низшего звена. Но она понимала, как воспринимают ее эти люди.

Когда она входила в комнату, все мужчины за столом — а это всегда были мужчины — предполагали, что она тунка или шотарка, и в их глазах отражался проблеск предубеждения. Когда они читали ее резюме и видели, что она кеконка и воспитывалась как Зеленая Кость, выражения их лиц сменялись на откровенно скептические. Пусть эспенцы и гордились своей военной мощью, но не слишком уважали военное образование. Какой от него толк в таком цивилизованном месте, сосредоточии профессионалов, как эспенская корпорация? Это же не Кекон, где фамилия Коул все равно что золото, одно дедушкино слово, и она получила бы что угодно. И в такие минуты романтическое желание всего добиться самостоятельно казалось глупым. Глупым и пустым. И вот она здесь, в том самом доме, откуда не сумела достаточно быстро уехать пару лет назад.

У подножия лестницы стоял Лан.

— Вот ты и дома, — улыбнулся он.

Шаэ подошла к нему и крепко обняла. Она не видела старшего брата два года, и ее затопил прилив чувств.

Лан был на девять лет ее старше, и они никогда не играли вместе, но он всегда хорошо к ней относился. Защищал ее от Хило, не осуждал, когда она уехала, и один из всей семьи писал, пока она училась в Эспении. Иногда его письма с четким и ровным почерком казались единственной ниточкой, связывающей ее с Кеконом, единственным свидетельством, что у нее была семья и прошлое.

Дедушке нездоровится — вот так просто он закончил последнее письмо. Дело скорее в его духе, чем в здоровье. Я знаю, он по тебе скучает. Было бы здорово, если бы после выпуска ты приехала и повидалась с ним, да и с мамой тоже. Рана от разрыва с Джеральдом была еще свежа, как открытый нарыв, Шаэ перечитала письмо брата, отвергла единственное предложение о работе и купила билет на самолет в Жанлун.

Лан тоже обнял ее и поцеловал в лоб.

— Как дедушка? — спросила Шаэ.

И одновременно с этим он произнес:

— Твои волосы.

Оба рассмеялись, и Шаэ внезапно показалось, что она наконец выдохнула, после того как два года задерживала дыхание.

— Он тебя ждет, — сказал Лан. — Хочешь подняться?

Шаэ сделала глубокий вдох и кивнула.

— Если я буду выжидать, легче не станет.

Они вместе поднялись по лестнице, Лан обнимал ее за плечи. Он был так близко, что Шаэ чувствовала пульсирующий гул его нефрита, едва ощутимые вибрации воздуха, на которые ее тело откликалось спазмами желания в животе, стоило наклониться поближе. Она так давно не соприкасалась с нефритом, что слегка кружилась голова. Шаэ заставила себя отстраниться от Лана и посмотреть на дверь перед собой.

— В последнее время ему стало хуже, — сказал Лан. — Но сегодня хороший день.

Шаэ постучала. Голос Коула Сена из-за двери прозвучал с неожиданной энергией:

— Ты же знаешь, я тебя Чую, даже без твоего нефрита, заходи уже.

Шаэ открыла дверь и предстала перед дедом. Сначала все-таки нужно было переодеться и принять душ.

Пронизывающий взгляд Коула Сена выхватил ее яркий иностранный наряд, и уголки его глаз сжались в сетку морщин. Его ноздри раздувались, он откинулся на спинку кресла, словно был оскорблен ее запахом.

— Боги, — пробормотал он, — последние два года были так же немилосердны к тебе, как и ко мне.

Шаэ напомнила себе, что, несмотря на деспотизм, дед — герой, один из самых уважаемых людей в стране, но теперь он стар, одинок и угасает, а два года назад она разбила ему сердце.

— Я прямо из аэропорта, бабушка, — Шаэ дотронулась до лба сомкнутыми ладонями в традиционном уважительном приветствии и встала на колени перед его креслом, опустив глаза. — И приехала домой. Ты пригнешь меня как свою внучку?

Когда она подняла голову, то увидела, что глаза старика смягчились. Твердая линия губ исчезла, и они слегка дрожали.

— Ах, Шаэ-се, конечно, я тебя прощаю, — сказал он, хотя она и не просила о прощении.

Коул Сен протянул узловатые руки, Шаэ взяла их и встала. Его прикосновение было похоже на электрический разряд, даже в таком преклонном возрасте его нефритовая аура была сильна, каждую косточку ее руки покалывали воспоминания и стремления.

— Семья плохо с тобой обошлась, — сказал Коул Сен. — Твое место здесь.

— Да, бабушка.

— Вести дела с иностранцами — это правильно. Я повторял это много раз, боги знают, это правда, я всем твердил: мы должны открыть Кекон и принять иностранное влияние. Из-за этого я порвал с Айтмом Югонтином. Но... — Коул Сен ткнул пальцем в воздух, — мы никогда не будем похожими на них. Мы другие. Мы кеконцы. Зеленые Кости. Никогда этого не забывай.

Дед повернул ее ладони в своих и покачал головой, печально и неодобрительно, при виде гладких запястий.

— Даже если ты снимешь нефрит, ты не станешь такой, как они. Они никогда тебя не примут, потому что чувствуют — ты другая, как собаки чувствуют, что они ниже

волков. Нефрит — это наше наследие, и мы не должны смешивать кровь с другими.

Он легонько стиснул ее руки в ободряющем жесте.

Шаэ склонила голову в молчаливом согласии, скрывая обиду на то, что дед явно радуется ее разрыву с Джеральдом. Шаэ встретила Джеральда на Кеконе. В то время ему осталось отбыть пятнадцать месяцев службы на острове Эуман, а потом он планировал поступить в аспирантуру. Когда Коул Сен узнал об отношениях Шаэ с моряком-иностранцем, он яростно объявил, что эти отношения обречены. И пусть его аргументы были в основном расистскими — дескать, Джеральд шотарец (хотя на самом деле он родился в Эспении), слабак с водой вместо крови, он ниже ее, примитивный выродец — Шаэ выводило из себя, что предсказания старика сбылись. А если подумать, то слова о примитивном выродке тоже оказались правдой.

— Я рада, что ты так хорошо выглядишь, дедушка, — мягко сказала Шаэ, пытаясь вклиниться в его монолог.

Коул Сен отмахнулся от попытки увести его в сторону.

— Я ничего не трогал в твоей комнате. Я знал, что однажды ты пройдешь через этот этап. Она по-прежнему твоя.

Шаэ быстро поразмыслила.

— Я так тебя разочаровала, дедушка. Я и в мыслях не держала, что для меня найдется место в доме. И поэтому арендовала квартиру неподалеку отсюда. Я уже отправил туда вещи.

Это была неправда, она нигде еще не устроилась и никуда не посылала вещи. Но ее совершенно не грела мысль поселиться в своей детской спальне в особняке Коулов, как будто ни два года разлуки, ни разделяющий их океан ничего не изменили. Живя здесь, она постоянно будет ощущать нефритовые ауры ходящих туда-сюда Зеленых Костей и снисходительное прощение деда.

— А кроме того, мне нужно побыть в одиночестве, чтобы устроиться. Решить, что делать дальше.

— А что тут решать? Я поговорю с Дору насчет того, какую часть бизнеса отдать тебе.

— Дедушка, — вмешался Лан. Он стоял на пороге и следил за их разговором. — Шаэ только что после долгого полета. Дадим ей распаковать вещи и отдохнуть. Еще будет время поговорить о делах.

— Хм, — сказал Коул Сен, но не выпустил руки Шаэ. — Наверное, ты прав.

— Скоро увидимся. — Шаэ наклонилась и поцеловала его в лоб. — Я люблю тебя, дедушка.

Старик фыркнул, но его лицо озарилось нежностью, которой ей так отчаянно не хватало, вдруг поняла Шаэ. В отличие от Лана, она не знала отца, в детстве Коул Сен был для нее всем. Он души в ней не чаял, как и она в нем. Когда Шаэ вышла из комнаты, он пробормотал вслед:

— Во имя всех богов, надень нефрит. Мне больно видеть тебя такой.

Она вышла на улицу вместе с Ланом. Они были одни. Солнце село, оставив после себя туманные отблески и очертив крыши зданий вокруг центрального двора. Шаэ опустилась на каменную скамью под раскидистым кленом и глубоко вздохнула. Лан сел рядом. Некоторое время они молчали. Потом переглянулись и тихо засмеялись.

— Могло быть и хуже, — сказала она.

— Как я и сказал, сегодня он в хорошем настроении. Врач говорит, ему нужно носить меньше нефрита, но я все откладываю эту битву.

Лан на секунду отвернулся, но Шаэ заметила гримасу на его лице.

— Как мама? — спросила она.

— Хорошо. Ей там нравится. Там так спокойно.

Много лет назад их мать посвятила себя детям и угождала требовательному свекру в обмен на безопасную и комфортабельную жизнь уважаемой вдовы правящей династии Равнинного клана. Как только Шаэ исполнилось восемнадцать, Коул Ван Риа удалилась в семейный дом на побережье, в Марении, что в трех часах езды к югу от Жанлуна. Насколько было известно Шаэ, с тех пор она не возвращалась в город.

— Ты могла бы съездить ее навестить, — сказал Лан. — Без спешки, когда устроишься.

— А ты? Как дела у тебя?

Лан повернулся к ней, прищурив левый глаз. Все говорили, что он вылитый отец, но Шаэ не видела сходства. Ее брат был преданным и душевным человеком, совсем не похожим на свирепого партизана со старых фотографий в дедушкиной комнате. Он как будто хотел что-то сказать, но передумал и сказал нечто другое:

— Все хорошо, Шаэ. Дела клана не дают заскучать.

На Шаэ нахлынуло чувство вины. Она не была честна, отвечая из Эспении на письма Лана, и не стоит ожидать, что теперь он ей доверится. Она даже не была уверена, что хочет его выслушать, если это значит слушать рассказы о спорах за территорию, отбившихся от рук Фонарщиках или убитых в поединках Кулаках — всех тех делах клана, от которых ей хотелось держаться подальше. И все же она задумалась о том, как брат удержит позицию Колосса, справляясь одновременно с уходом Эйни и с резким упадком сил у дедушки, а помогают ему только Хило и мерзкий старикашка Дору.

— Меня не было здесь, чтобы тебя поддержать. Прости, — сказала Шаэ.

— У тебя своя жизнь, Шаэ.

В его голосе не было упрека, и Шаэ поблагодарила богов за то, что после возвращения первым из членов семьи она встретила Лана. Он не пристыдил ее ни за то, что она уехала, ни за то, что вернулась. А это куда больше, чем она заслуживает, и больше, чем может ожидать от остальных членов семьи.

Наконец-то сказалась разница во времени, и нахлынула усталость. В доме зажегся свет, а потом погас, наверху в окнах маячила тень Кьянлы — она закрывала жалюзи. В темноте молчаливые силуэты скамеек и деревьев, среди которых Шаэ играла в детстве, казалось, смотрели осуждающе, как безучастные родственники. Она поняла, что у Кекона особый аромат — пряный и сладкий. Именно так она пахла для своих одноклассников в Эспении? Она представила, как этот запах проникает сквозь поры. Шаэ положила ладонь на руку Лана. Его нефритовая аура вибрировала, как низкие басы, и Шаэ придвинулась ближе, но не слишком.

Шаэ поселилась в отеле и следующие три дня посвятила поиску квартиры. Ей не хотелось жить слишком близко к резиденции Коулов, но это не значило, что она может жить где угодно. Она сняла нефрит, но не сменила внешность и фамилию, и потому некоторых частей города ей лучше избегать. Даже ограничив зону поисков строго районами под контролем Равнинных, она от рассвета до заката ездила в дурнопахнущей подземке от остановки до остановки, жутко потея от летней жары, и смотрела одну квартиру за другой.

Не раз она изводила себя, что все могло быть куда легче. Одно слово Лана домовладельцу-Фонарщику, и она тотчас же получила бы прекрасную квартиру. Арендная плата была бы вполовину меньше, если бы вообще была, а домовладелец обрадовался бы, что разрешение на строительство или контракт, который он ожидает, немедленно одобрены. Но она сдержала обещание обходиться без семьи. Студенткой Шаэ жила экономно, и после обмена эспенских денег ее полученных на летней практике сбережений хватило бы на полгода арендной платы в Жанлуне, если быть благоразумной. К концу третьего дня поисков усталая, с мозолями на ногах, она подписала договор об аренде скромного, но удобного лофта с одной спальней в Северном Сотто и была довольна собой.

Когда она вернулась в гостиницу, в вестибюле ждал Хило. Он развалился в пухлом кожаном кресле, но, увидев Шаэ, привстал, а его Кулак, один из братьев Маик, Шаэ точно не помнила который, поднялся с соседнего кресла и отошел в другой конец вестибюля, чтобы они могли поговорить наедине.

За два года ее брат не изменился, и Шаэ с неожиданной неловкостью задумалась, изменилась ли она, стала ли выглядеть старше и иностранкой — с новой прической и в новой одежде. Хило был старше ее всего на одиннадцать месяцев, и когда она уезжала, в каком-то смысле они были ровней. А теперь она безработная, одинока и не носит нефрит. А он — один из самых мо-

гущественных людей Жанлуна, и ему подчиняются сотни Зеленых Костей.

Шаэ знала, что не сумеет избежать этой встречи, но говорила себе, что это может подождать еще чуть-чуть. Интересно, это Лан сказал ему, где ее найти, или персонал гостиницы донес его Пальцам? Когда Хило поднялся, чтобы ее поприветствовать, Шаэ напряглась. Вестибюль гостиницы — уж точно не то место, где она представляла себе эту встречу.

— Хило, — сказала она.

Он тепло ее обнял.

— Что ты делаешь в отеле? Ты меня избегаешь?

Похоже, он действительно обижен, Шаэ и забыла, как он порой чувствителен. Хило обнял ее лицо ладонями и поцеловал в обе щеки и в лоб.

— Что было, то прошло, — сказал он. — Теперь, когда ты вернулась, все прощено. Ты же моя сестренка, как я могу тебя не простить?

Он говорит, как дедушка, подумала Шаэ, с этим прощением. Конечно, он не собирается извиняться за то, что назвал ее шлюхой и предательницей клана и прямо перед ней, в присутствии Лана и дедушки, вызвался убить Джеральда, если ему прикажут. Если бы Джеральд не был эспенским офицером и в комнате не присутствовал бы Лан, который всех успокоил, Коул Сен наверняка бы дал согласие.

В глубине души ей хотелось по-прежнему злиться на Хило. И это было бы проще, если бы он злился на нее. Но великодушные Хило напоминало его нефритовую ауру — такое же пылкое и ясное. Шаэ чувствовала, как теплеет, напряжение, которое она носила, как броню на спине и плечах, тает.

— Я тебя не избегаю, — ответила она. — Просто я только что приехала, и мне нужно было время устроиться.

Хило сделал шаг назад, не выпустив ее локти.

— Где твой нефрит?

— Я его не ношу.

Хило нахмурился. Потом наклонился и понизил голос.

— Ты нам нужна, Шаэ. — Он посмотрел ей прямо в глаза. — Горные собираются бросить нам вызов. Все на это указывает. Они считают нас слабаками. Дедушка сидит в четырех стенах. За Дору я не дам и плевка. Но теперь, когда ты вернулась, все изменится. Дедушка всегда любил тебя больше всех, и если мы вдвоем будем прикрывать Лана...

— Хило, — сказала она. — Я не собираюсь вмешиваться. Если я вернулась в Жанлун, это еще не значит, что я займусь делами клана.

Хило наклонил голову.

— Но ты нам нужна, — просто сказал он.

Несколько жестоких слов — и он бы отстал. Шаэ безумно хотелось это сделать — обидеть его, оттолкнуть, спровоцировать, но она устала от бывшего соперничества. Стычки с Хило — своего рода костыли, прилипчивая дурная привычка из прошлой жизни, которую она хотела оставить позади, вместе с нефритом, и больше к ней не возвращаться. Они оба взрослые люди. Шаэ напомнила себе, что теперь он Штырь Равнинного клана. Если она собирается какое-то время прожить на Кеконе, не стоит с ним ссориться.

Шаэ подавила порыв.

— Я не готова, — сказала она. — Мне нужно время, чтобы разобраться в себе. Ты можешь это понять?

На лице Хило отразилось сразу несколько чувств — похоже, он пытался сдержать разочарование и понять, искренне ли она говорит. Хило пришел к ней с братской любовью, а когда он делал шаг навстречу, то ожидал того же и от других. Отвечать вполсилы было рискованно. Когда он снова заговорил, голос звучал более сдержанно.

— Ладно. Размышляй, сколько тебе нужно. Но тут не в чем разбираться, Шаэ. Если ты не хочешь быть Коул, то не следовало и возвращаться. — Прежде чем она успела ответить, он поднял палец. — Не спорь. Я не хочу забывать, что простил тебя. Если ты хочешь, чтобы я на время оставил тебя в покое, я уйду. Но я не так терпелив, как Лан.

Он отошел, его нефритовая аура отхлынула, как большая волна обратно в море.

— Хило, — позвала Шаэ. — Передай от меня привет Андену.

Ее брат повернул голову и бросил через плечо:

— Можешь сама это сделать.

Его лейтенант окинул ее неодобрительным взглядом, и оба исчезли в теплой ночи за дверьми отеля.

Глава 7

Академия Коула Душурона

ДАЖЕ В ТЕНИ ПОТ СТЕКАЛ по спинам и лицам учеников восьмой ступени. Десять человек нервно перетаптывались за башенками горячих кирпичей.

— Еще один, — велел наставник, а его помощник, ученик третьей ступени, помчался с щипцами к жаровне и осторожно, но быстро вытащил из огня кирпичи и положил еще по одному на пламенеющую стопку перед каждым учеником. Тон, один из ожидающих учеников восьмой ступени, тихо пробормотал:

— Эх, и что же выбрать — боль или провал?

Тон, без сомнения, адресовал этот вопрос своим одноклассникам и никому больше, но мастер Сэйн обладал острым слухом.

— Учитывая, что если ты провалишь Испытания в конце года, то никогда больше не увидишь ни одной крошки нефрита, я бы на твоём месте выбрал боль, — сухо сказал он и оглядел колеблющихся учеников. — Ну? Надеетесь, что кирпичи остынут?

Эмери Анден потер тренировочный браслет на левом запястье, скорее по привычке, чем чтобы еще раз прикоснуться к нефриту, вшитому в кожаную ленту. Он закрыл глаза, пытаясь сфокусировать всю огромную энергию, которой могла овладеть лишь незначительная часть кеконцев. Выбор между болью и провалом, именно так, как и сказал Тон. Высвобожденная Сила позволит сломать кирпичи, а Броня не даст ему обжечься

о раскаленную глину. Именно этому и было призвано научить упражнение — применять одновременно Силу и Броню. Умелые Зеленые Кости, а именно такими мечтали стать Анден и его одноклассники, могли когда угодно прибегнуть к любой из шести способностей: Силе, Броне, Чутью, Легкости, Отражению и Концентрации.

Рядом с Анденом раздался звонкий треск и приглушенный вопль боли со стороны Тона. Это не так сложно, как алгебра, подбодрил себя Анден и рубанул ребром ладони по центру верхнего кирпича. Он осел на следующий, а тот — еще ниже, каскад падения длился всего секунду, но Анден видел его как вереницу медленно падающих игральных карт. Осколки разлетелись и в других направлениях, попав по руке, плечу и корпусу. Он тут же отдернул руку, открыл глаза и осмотрел ее.

— Вытяните руки, — почти скучающим тоном велел Сэйн. Он расхаживал вдоль вереницы учеников, разочарованно потирая бугристый затылок. — Некоторые из вас сегодня проведут перерыв в лазарете, — сказал он и поморщился при виде волдырей на ладонях. Он сбил оставшийся целым кирпич на землю. — Другие получают новые синяки на занятии по Силе для отстающих.

Он дошел до конца ряда, посмотрел на шесть сломанных кирпичей Андена и его неповрежденные ладони и хмыкнул — со стороны главного наставника это была почти что похвала.

Анден скромно не поднимал взгляда с кучи сломанных кирпичей перед собой. Улыбаться или радоваться своему успеху было бы слишком невоспитанно, и хотя Анден родился на Кеконе и никогда его не покидал, он всячески старался не показаться иностранцем хоть в какой-нибудь малости — его многолетняя привычка.

Сэйн хлопнул в ладоши.

— Уберите руки. Увидимся на следующей неделе и повторим еще раз, пока вы не улучшите результат, иначе я признаю вас негодными.

Студенты прикоснулись сложенными ладонями ко лбам, подавив стоны, и отошли в сторонку, чтобы ученики третьей ступени могли прибратсья. Анден отвер-

нул, снял с запястья тренировочный браслет и убрал его в футляр. Потом покачнулся и оперся на стену, прищурившись от боли. Более высокая чувствительность к нефриту означала и более сильную ломку, даже после недолгого использования. Иногда Андену требовалось в два раза больше времени на восстановление, чем остальным студентам, но теперь он уже натренировался. Он глубоко дышал и заставил себя расслабиться, несмотря на сбивающее с толку ощущение, что мир выбили из-под ног, а все предметы расплываются по краям, и наконец вернулся к нормальному состоянию. Меньше чем за минуту он взял себя в руки, выпрямился и закинул на плечо рюкзак.

— Я слышал, как Сэйн хмыкнул, — сказал Тон, погружая руку в таз с холодной водой, заботливо принесенный для старших учеников младшими. — Отлично вышло, Эмери, — он произнес имя по-кеконски: Эмри.

— Мои кирпичи были тоньше, — вежливо отозвался Анден. — Как рука?

Тон поморщился, обернув руку полотенцем и прижав к животу. Он был сухопарым и пониже Андена, но с великолепной Силой. Нефрит имеет свои странности — иногда худенькая женщина может согнуть металлический прут, а здоровяк, владеющий Легкостью, взбежит по стене или перепрыгнет с крыши на крышу, еще одно свидетельство тому, что нефрит открывает не просто физические способности.

— Вот бы медицинская Концентрация лучше действовала на раны, — угрюмо произнес Тон. — И надо же этому случиться накануне Лодочного дня. — Он помолчал, глядя на Андена. — Эй, кеке, на следующей неделе кое-кто собирается прошвырнуться по барам в Доках, перед тем как начнут топить корабли. Хочешь присоединиться, если у тебя нет других планов?

Анден совершенно определенно чувствовал, что его пригласили в последний момент, как часто случалось, но естественно, у него не было других планов, и он подумал, что, вероятно, к ним присоединится и Лотт Цзин, а потому ответил:

— Конечно, с удовольствием.

— Отлично, — сказал Тон, — тогда до встречи.

Лелея свои ожоги, он направился через поле к лазарету. Анден пошел в противоположном направлении, к общежитию, размышляя по пути. После семи с лишним лет в Академии он привык к довольно одинокому существованию — одноклассники его уважали, но никогда полностью не включали в свою компанию, хотя никогда и не исключали. Все вели себя с ним приветливо (а как же иначе), и он мог назвать Тона и еще нескольких друзьями, но Анден знал, что многие чувствуют неловкость рядом с ним, и потому не ожидал тесной дружбы.

Через поле к нему бежала ученица восьмой ступени Пау Нони, ее лицо раскраснелось на влажной полуденной жаре.

— Анден! Снаружи тебя ожидает посетитель.

Посетитель? Анден покосился на ворота, поправив очки на потной переносице. Из-за близорукости было еще тяжелее снять нефрит и потерять Чутье. Кто мог к нему прийти? Рюкзак прыгал на плече, когда он припустил через поле для тренировок.

Маленькое восточное поле было не единственным на двадцати пяти гектарах территории Академии Коула Душурона. Ее построили на холме парка Вдов. Хотя со всех сторон раскинулся шумный Жанлун и его пригороды, высокие стены Академии и старые вязы и камфорные деревья, в чьей тени стояли одноэтажные здания, отделяли Академию от столицы, так что школа оставалась традиционным тренировочным святилищем Зеленых Костей. Академия была наследием Коула Сена, данью памяти его сына, но что самое важное, одним из главных свидетельств того, что культура Зеленых Костей прочно занимает центральное место в кеконской общественной жизни. Когда Анден остановился, чтобы это обдумать, он понял, что Академия — не только школа, но и символ.

В маленьком саде камней за главным входом Анден замедлил шаг. На низком парапете в скучающей позе сидел человек. На нем были бежевые брюки от хорошего портного, рукава рубашки закатаны до локтей, а пиджак перекинут через парапет. При приближении Андена он встал с неспешной плавностью, и Анден узнал Коула Хило.

В грудь Андена закралась тревога.

— Похоже, ты удивлен, что я здесь, кузен, — сказал Хило. — Ты же не думал, что я забуду поздравить тебя с днем рождения?

Андену исполнилось восемнадцать несколько дней назад. День прошел незамеченным, поскольку личные праздники считались дурным тоном и не одобрялись наставниками Академии. Анден опомнился и прикоснулся ко лбу в уважительном приветствии.

— Нет, Коул-цзен, просто я знаю, что вы сейчас заняты. Я польщен, что вы меня навестили.

— Я польщен, Коул-цзен, — передразнил его Хило преувеличенно суровым тоном. Левый уголок губ изогнулся в лукавой улыбке. — Зачем так официально, Энди? Тебя тут вышколили до гладкости? — Хило раскинул руки. — Со мной такое не пройдет.

Ты — Коул, думал Анден. Школа названа именем твоего отца. Даже некоторые не имеющие нефрита новички обладают определенными привилегиями. Любого с другим происхождением или менее талантливого вышвырнули бы из Академии за те проступки, которые совершал здесь Хило. А теперь он Штырь Равнинного клана. Чего ты от меня хочешь?

Анден попытался расслабиться в присутствии кузена. Несмотря на девять лет разницы, Хило выглядел так, как будто только что выпустился из Академии, прохожие могли решить, что они одного возраста.

— Как дедушка? — Анден называл Коула Сена дедушкой, так же как младших Коулов — кузенами. — Как поживает Лан-цзен?

— Ну, как и положено Колоссам.

Хило подошел к нему.

Анден стянул с плеча рюкзак, поспешно снял очки и сунул их в карман. Оправа была новой, и он не хотел...

Он едва успел отбросить сумку — Хило схватил его, как обезьяна фрукт, руки сомкнулись на запястьях и локтях Андена стальными тисками. Одним резким движением Хило развернул кузена к земле.

Анден не сопротивлялся, а когда под весом падающего тела хватка Хило ослабла, притянул его ближе,

и оба пошатнулись. Хило дважды с силой пнул его коленом в бок, и Анден захрипел, сложился пополам и вцепился в руки Хило, покачнувшись, как в религиозном поклоне. Он стукнулся лбом о плечо Хило.

Рот наполнился резким вкусом нефритовой энергии. Нефрита Хило. Когда они сцепились так близко, вибрации нефрита омывали Андена — гудящие, саднящие, пульсирующие с каждым биением сердца Хило, с каждым его вдохом и движением. В голове Андена стучала кровь, не подлинный напор нефрита, но что-то похожее. Он жадно глотал этот поток, пытаясь ухватиться за бурлящие края ауры кузена, словно цеплялся за течение реки. Когда Хило снова занес колено, Анден воспользовался тем, что кузен на секунду потерял опору, и ткнул прямой ладонью ему в грудину с достаточной Силой, чтобы тот выпустил его и отпрянул на несколько шагов.

Хило по-прежнему улыбался. Он протанцевал еще несколько шагов в сторону, а потом проворно и угрожающе вернулся к Андену. Тот собрался с духом. От Хило не убежать, даже думать нечего. И неважно, насколько сильно он отдубасит Андена. Хило колотил его с потрясающей скоростью, играючи осыпал ударами, а Анден только крутился, как груша, и сдерживал крики. Следующий удар Анден отвел, вильнув в сторону, ближе к Хило, рубанул его по бицепсу, пробив защиту, и ребром ладони врезал по подбородку.

Голова Хило откинулась назад, он покачнулся и закашлялся. Анден не колебался ни мгновения и вмазал кузену по челюсти.

— Ого, — сказал Хило.

Он развернулся и пнул Андена под дых с такой Силой, что сбил его с ног. Анден приземлился спиной на гравий.

Он застонал. Зачем мы этим занимаемся? Он всего лишь ученик, и ему запрещено носить нефрит вне учебных занятий, без наставников. А Хило — могущественная Зеленая Кость. Их шансы даже близко не равны. Конечно, дело совсем не в этом. Анден с трудом поднялся на ноги и продолжал бороться, у него нет выбора, если он не хочет, чтобы его избili до полусмерти.

Поединок привлек зевак. Несколько младших учеников заняли удобную для обозрения позицию, чтобы посмотреть, как Штырь Равнинных избивает ученика старшей ступени. Хило, похоже, наслаждался вниманием публики, время от времени поглядывая на студентов со снисходительной веселостью. Анден странным образом сосредоточился на том, чтобы не знающие Хило зеваки не решили, будто тот злой или жестокий. Они могли не заметить, что он двигается расслабленно, с написанной на лице дружеской внимательностью, словно они просто разговаривают за обедом, а не избивают друг друга.

Анден принимал от рук Хило наказание и отвечал, чем мог, целился по ребрам и почкам, еще раз в кровь разбил ему лицо, даже нагнулся, чтобы достать до колена и паха. В конце концов Хило швырнул его на землю и пригвоздил коленом между лопаток. Анден лежал, искоса глядя в пространство, и вдыхал пыль, не в силах пошевелиться, и мечтая, чтобы появился еще какой-нибудь член семьи Коулов помимо Хило.

Хило перевернул Андена и сел на землю рядом, вытянув ноги и опираясь на локти.

— Ну и ну! — сказал он, задрал край дорогой рубашки и вытер лицо, оставив на ткани потеки пота и крови. — А тебе еще год до выпуска, Энди. Так что я пользуюсь своим преимуществом, пока могу. Когда Лан носил нефрит, а я нет, он выбивал из меня всю дурь, ты не знал?

Вслух Анден никогда бы не назвал кузена Ланом, считая это безумием. Когда-то Лан рассказал ему, что Хило задирает старшего брата, настаивал на драках, хотя Лан на восемь лет его старше, крупнее и носит больше нефрита. Лану не оставалось ничего другого, как избивать его до бесчувствия, и не раз.

— Как только наденешь нефрит, ты меня уложишь. Посмотри на себя. Я — Зеленая Кость. Штырь клана, мать твою. А ты украсил меня вот этим, — он ткнул в свою кровоточащую губу, — и этим, — он прикоснулся к шишке на голове, — и этим, — он поднял рубашку и показал синяк. — Хило опустил рубашку и улыбнулся так широко, что Анден вытаращил глаза. — Я всегда